

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я-ВОР

В ЗАКОНЕ

воровская
сага

Я – вор в законе

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я – вор в законе

«ЭКСМО»

1997

Сухов Е.

Я – вор в законе / Е. Сухов — «Эксмо», 1997 — (Я – вор в законе)

ISBN 978-5-699-20392-5

Русская мафия ведет жестокую войну за сферы влияния. Несколько крупнейших группировок преступного мира, объединившись в одну мощную силу, рвутся к власти в России. В большой кровавой игре ставка сделана на самого молодого, но авторитетного вора в законе по кличке Варяг. Коронованный тюремным братством на великие дела, изменив документы и образ жизни, он делает головокружительную карьеру в политике и бизнесе.

ISBN 978-5-699-20392-5

© Сухов Е., 1997
© Эксмо, 1997

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	39
ГЛАВА 7	48
ГЛАВА 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Сухов

Я – вор в законе

*Герои и персонажи в романе вымышлены.
Совпадения с реальными лицами случайны.*

ГЛАВА 1

Часы ожидания не пропали даром: теперь он знал распорядок дня Колуна, как свой собственный. Вставал Колун рано – в пять часов утра в его окнах уже горел свет. Ровно в шесть в сопровождении трех дюжих молодцов он выходил из дома и неторопливо бежал в сторону набережной. Трое крепких парней неотступно, словно привязанные, следовали за ним, создавая почетный эскорт. Позади плелась «Волга» серого цвета. Машина была выполнена на заказ: стекла у нее были пуленепробиваемые. Пробежка всегда продолжалась ровно пятьдесят пять минут. Следовательно, в это время, с шести до семи утра, он наиболее уязвим.

Сержант любил работать в одиночестве – меньше свидетелей. Трудное задание – это как игра в шахматы, и нужно правильно расставить фигуры, иначе сам можешь получить мат. Колун редко покидал дом, а если и выезжал, то всегда днем и при усиленной охране.

Сержант спрятался в подъезде дома и наблюдал за тем, как Колун разминается. Делал он это тщательно, как будто собирался по меньшей мере взобраться на пятиэтажный. Рядом, лениво помахивая руками, грели суставы телохранители. По унылым физиономиям было видно, что им не доставляло особой радости это утреннее занятие и что они были вынуждены выполнять причуды шефа только потому, что тот неплохо платил. Колун был в прошлом борцом, и, глядя на его сильное тело, верилось, что он совсем не потерял своей лучшей формы. Мышцы сильных рук, сплетенные в три толстых каната, внушали уважение и зависть.

Сержант перевел взгляд на парней. Он знал, что каждый из них отличный стрелок, и если он промахнется, то ответная пуля сразу же полетит в него. Поэтому нужно предугадать следующий ход. За шахом сразу должен следовать мат.

Четверка уже размялась и неторопливо побежала в осеннюю темень. Некоторое время Сержант еще таился в подъезде, а потом, подняв воротник, пошел в противоположную сторону.

Целую неделю Сержант готовился к предстоящей операции. Сначала он хотел снять комнату напротив, чтобы окна выходили прямо на дом, в котором жил Колун, но потом решил отказаться от этой затеи. В этом случае он будет слишком замечен, и в дальнейшем не составит труда его вычислить. Даже если Сержант будет приходить поздно вечером, найдутся два-три свидетеля, которые смогут точно описать его портрет. Встречать объект лучше всего на дистанции, где он обычно проводит утреннюю пробежку, в этом случае у Сержанта будут несколько лишних минут, которые и позволят ему скрыться. Если же он будет стрелять из окна, люди Колуна смогут оцепить район, и тогда уйти будет куда сложнее.

Поэтому Сержант детально изучил маршрут Колуна. А тот был педант! За те две недели, что Сержант наблюдал за ним, Колун ни разу не свернул в сторону. На одном и том же отрезке дистанции делал ускорения, потом переходил на легкий бег, а у самой реки, глядя в мутную воду, считал пульс. Остается только решить, где именно подождать его. Лучше всего это сделать в то время, когда Колун будет бежать в гору. Скорость на этом отрезке у него будет небольшой, район этот густо заселен, и укрыть сможет любой подъезд, и бежать на ствол он будет грудью, широко открыв рот. В этом месте эскорт его поотстанет (во всяком случае, так было эти две недели), а он, подчиняясь спортивному азарту, вырвется далеко вперед. Вот таким он

и примет смерть: с открытым ртом, в желании насладиться порцией кислорода, которую так никогда больше и не получит.

Несколько дней Сержант подбирал нужный ему дом, и его выбор пал на невысокое трехэтажное здание с просторным чердаком и высокой крышей. Именно чердак и крыша устраивали его больше всего: на чердаке можно было спрятать оружие и под утро явиться с пустыми руками, а крыша смыкалась с соседним домом, двор которого был проходным. Он уводил на соседнюю улицу, где Сержант поставит мотоцикл. Винтовку он заберет с собой и уложит в портфель, а когда будет проезжать по мосту, то бросит его в воду.

Когда все было готово, Сержант по черному ходу взобрался на чердак и стал ждать. У него было еще двадцать минут, чтобы подготовиться к выстрелу: ровно в шесть тридцать объект будет подниматься в гору. Сначала появится голова Колуна, потом плечи и уже затем грудь – вот тогда нужно будет задержать дыхание и, прицелившись, нажать спусковой крючок.

Сержант осмотрел винтовку, приладил оптический прицел и посмотрел через него в распахнутое окно. Видимость была хорошей. Сержанту нравилась эта винтовка, она вся была пригнана как будто специально под него. Он даже подумал о том, не оставить ли себе приглянувшееся оружие, но скоро справился со своим желанием – слишком велик риск. Кроме того, те, кто нуждается в Сержанте, всегда снабдят его оружием. За последний месяц Сержант сменил две винтовки, эта была третьей, и с ней особенно жаль было расставаться. К оружию привыкаешь так же быстро, как к женщине, а потом неожиданно для себя начинаешь понимать, что не можешь без него вообще. А когда расстаешься с оружием, то чувство, которое при этом возникает, сродни тому, когда расстаешься с любимой женщиной. И тут главное – научиться не привязываться, уметь оставлять без сожаления, как покидаешь без печали женщину, с которой провел всего лишь единственную ночь.

Оставалось пять минут. Скоро Сержант услышит звук работающего двигателя, а уже затем появится сам Колун.

Случилось все так, как предполагал Сержант. Сначала до него донесся звук работающего двигателя, а уже чуть позже появилась широкая фигура Колуна. Он бежал уверенно, нисколько не сомневаясь в неисчерпаемости своих сил. Глядя на его мощное тело, можно было подумать, что ему никогда не будет износа, настолько величавым казался торс, сильными – ноги, но Сержант знал – как только он нажмет спусковой крючок, Колун просто превратится в грудку бесполезного белка.

Вот уже из-под горы показались головы опекунов-телохранителей. Они делали над собой усилие, чтобы догнать своего крепыша-босса, и Колун, явно поджидая их, слегка сбавил скорость. В оптический прицел Сержант хорошо видел его круглое лицо. Оно совсем не выглядело утомленным, только широкий лоб покрылся крупными каплями пота. Майка была совершенно мокрой и прилипла к груди, еще более подчеркивая мускулистый торс. Сержант навел ствол в лоб, потом опустил его ниже, и мушка остановилась прямо у открытого рта, задохнувшегося от быстрого бега. Пуля вместо воздуха. Здорово! Но в этот момент объект словно почувствовал опасность, слегка наклонил голову и побежал, наращивая темп, уверенно избегая сетки прицела. Что ж, можно и в грудь. Сержант неторопливо прицелился, взяв от пояса вверх примерно целую ладонь. Здесь должно стучать сильное сердце, выбрасывая порции разгоряченной крови по всем сосудам, наполняя вены. Сержант медлил еще мгновение, а потом спокойно надавил спусковой крючок. Выстрела почти не было – раздался щелчок, словно кто-то наступил на сухой орех, но Колун высоко взмахнул руками, оступившись. И прежде чем он упал, Сержант выстрелил второй раз – контрольная пуля угодила в рот, разметав в стороны осколки черепа. Сержант увидел, как к Колуну подбежал один из телохранителей, тотчас остановилась бронированная «Волга», из распахнутой двери выскочили три человека с автоматами.

Все просчитано: у него ровно четырнадцать минут, чтобы не торопясь отсоединить глушитель, разобрать винтовку и уложить ее в портфель, а потом по крышам уйти в проходной двор.

* * *

О том, что во время утренней пробежки был убит видный бизнесмен, на следующий день успели рассказать все центральные газеты. По радио эту новость объявляли дважды, а по телевизору показали распластанное на асфальте тело Колуна с куском белой ткани на лице. А еще через день группа бизнесменов за любую информацию об убийце обещала выплатить сто тысяч долларов, о чем было объявлено в информационных программах.

Большинство людей знало убитого как Виталия Геннадьевича Кудрявцева, преуспевающего бизнесмена, воротилу, который давно уже не считал своих миллионов. Он был человеком, для которого не существовало ничего невозможного – будь то дом с видом на Эйфелеву башню или встреча с президентом. Он был вхож во многие элитные дома, и его посещали самые известные политики.

Но только очень узкий круг избранных знал о том, что Виталий Геннадьевич был самой вершиной айсберга в преступном мире. И с его уходом айсберг тряхнуло так, словно ледяная машина натолкнулась на гору, куда более величественную, чем она сама.

Смерть Кудрявцева сняла негласное табу с его имени – информация о его грехах тут же просочилась в газеты, и они наперебой выдавали различные версии, пестря кричащими заголовками: «Наемный убийца убивает крупного мафиози!», «Кому выгодна смерть Кудрявцева?», «Кто поднял руку на „крестного отца“ русской мафии?». Не находя ответа на эти вопросы, вся пресса была единодушна в одном: убийца Кудрявцева был профессионалом высочайшего класса и обладал завидным мужеством (два выстрела, и оба – смертельны!).

В преступном мире в этот день был объявлен траур, и оперативные сводки свидетельствовали, что за ночь не было совершено ни одного ограбления, ни одного убийства, не было даже сигналов об угоне машин: так, по-своему необычно, криминальный мир города отметил уход вора в законе Виталия Геннадьевича Кудрявцева, больше известного среди них под кличкой Колун.

Здесь тоже ходили самые разные слухи о его смерти: одни говорили, что Колун убит за то, что нарушил одну из заповедей вора в законе – не работать. Другие считали, что он осмелился не сдавать деньги в общак. Третьи думали иначе – в самой верхушке появилась сила, которая готова устранить прежних лидеров, чтобы самим возглавить бизнес. Но сейчас дело Колуна больше смахивало на огромный авиалайнер, у которого во время полета заклинило руль, и, как его ни поворачивай, встреча с землей неминуема.

Колун контролировал большую часть города: рестораны, казино, базары, автостоянки, вокзалы, универмаги, коммерческие палатки, и сейчас все это хозяйство, которое еще несколько дней назад находилось в крепких руках, грозило развалиться на куски. Колун был жестким хозяином, умевшим безжалостно расправляться с неугодными, и теперь, когда его не стало, его бизнес расплылся прямо на глазах, и нужны были не менее крепкие руки, чтобы хватило сил вытащить на себя заклинивший руль и тем самым позволить самолету набрать нужную высоту.

Похороны назначили на третий день. На поминках решено было собрать сходняк, чтобы разобраться в ситуации: необходимо было определить направление поисков убийц, и – самое главное – делу нужен был новый мощный лидер.

Встревоженный капитан милиции то и дело бегал к патрульным машинам и как заведенный говорил одно и то же:

– Сначала проедут четыре «Мерседеса» в траурных лентах, за ними – поток легковых машин и автобусы. Движение перекрыть сразу с двух сторон и никого из процессии не задерживать. Пускай себе едут! Никак не реагировать даже в том случае, если они надумают перестрелять друг друга...

И когда наконец к перекрестку подъехал первый, красного цвета «Мерседес», капитан прокричал в рацию:

- Будьте внимательнее! Всей колонне дать зеленый свет!
- Сколько будет машин? – озабоченно спрашивали в рации.
- Не знаю, но думаю, не меньше пятисот.

Машины двигались неторопливо. Эта длинная, растянувшаяся на многие сотни метров колонна походила на змею, которая двигалась вперед, зная, что не найдет на земле силы, способной ее остановить. Она извивалась на широких дорогах, заставляя встречавшиеся на ее пути автомобили в страхе прижиматься к самому краю. Казалось, змея то и дело хищно поворачивала голову, словно осматривая свои владения, и, убедившись лишний раз в том, что не найдет безумца, который посмел бы помешать ей, медленно следовала дальше – по своим звериным делам.

Капитан милиции даже не пытался сосчитать участников церемонии – по всей видимости, их была не одна тысяча человек. В автомобилях сидели бизнесмены, деятели культуры, другие известные люди... И авторитеты, по привычке окруженные многочисленной свитой охраны, хотя каждый знал, что, когда они вместе, даже шестеренки государственной машины обломают о них свои зубья. Пришедшие на похороны были неоднородны по своему составу, их разделяли многие условности: деньги, прошлое, обиды... Но сейчас, как это бывало всегда, когда кого-нибудь из их рядов вырывала смерть, – все они ощущали себя единой силой.

Наконец «змея» выползла на центральную улицу. Ехавший впереди в сером «жигуле» капитан неистово орал и шипел в мегафон, заставляя встречные автомобили шараться в сторону.

– Грузовик с номером пятьдесят три сорок четыре, прижмитесь вправо!.. Грузовик с номером пятьдесят три сорок четыре, прижмитесь вправо! – Он смахнул с лица пот и обратился к шоферу: – Ну и денек сегодня выдался, – и в сердцах проклинал собственное невезение, похороны, начальство и, увидев встречную машину, снова хватался за мегафон: – Водитель синей «Волги», прижмитесь к правой стороне! Водитель синей «Волги», вам сказано: немедленно прижаться к правой стороне!

«Змея» доползла до кладбища и скрутилась в клубок на огромной площади, которая уже была огорожена.

Остальные водители, чертыхаясь, разворачивали машины и катили прочь, наматывая на колеса лишний десяток километров объездной дороги.

Гроб с телом Колуна подняли на руки и медленно, словно на плечах раскачивался драгоценный хрусталь, зашагали в сторону кладбищенских ворот.

– Хорошо идут, – уважительно привстал нищий. – Красиво, – и тут же отвесил низкий поклон на щедрую милостыню, брошенную на дно кепки.

– Гроб-то какой! Я и не видал таких, – откликнулся другой.

– Видать, из больших людей покойник-то, на заказ гроб сделан. А бархат-то какой дорогой!.. Благодарствую тебя, спаси и помилуй... – У старика округлились глаза от щедрого пожертвования.

Могила была вырыта на первой аллее, по соседству с собором. Ни одной могилы рядом, словно и после смерти Колун не желал ничьего близкого соседства.

Немного поодаль четверо парней растянули огромный ковер, на который со всех сторон стали сыпать деньги, а когда он прогнулся от тяжести, стоявший рядом мужчина распорядился:

– Сверните ковер и отнесите вдове.

Это был Ярослав Савинов, по кличке Гордый. Именно он, по решению сходняка, должен был принять огромную, словно флот, империю. Если Колуна можно было сравнить с флагманом, который указывал путь эскадре и умело преодолевал коралловые рифы, способные распороть толстую брюшину корабля, то Гордый был тончайшим прибором, позволявшим угадывать опасные мели.

– Скажите, что это еще не все. Полмиллиона «зеленью» она получит от меня.

Гроб уже поставили на краю глинистой ямы. Крышка была закрыта: разнесенный выстрелом череп выглядел жутковато.

Вдруг Гордый споткнулся и, сделав неверный шаг вперед, упал прямо на растянутый ковер. Деньги закружили в воздухе яркими разноцветными фантиками. В безмолвном ужасе замерли, как на фотографии, присутствующие... Гордый лежал без движения, будто пытался в жадном объятии завладеть щедрым подарком. Вот только поза его была неестественной и оттого казалась особенно жуткой.

Один из стоявших рядом перевернул безвольное тело на спину. Полными недоумения глазами Гордый смотрел в серое осеннее небо. Из дырки во лбу едва сочилась кровь. А за кладбищенской оградой негромко пророкотал мотоцикл и смолк в соседнем переулке.

ГЛАВА 2

До конца срока оставалось мотать три месяца. День в день. И трудно было понять, кто распорядился перевести его из воркутинской зоны в пермскую. Хотя наверняка решалось это на самом высоком уровне: не такой он мелкий вор, чтобы им запросто распоряжалось местное лагерное начальство. В воркутинских лагерях хотели было поднять бузу, но Варяг дал отбой и решил ехать. Видно, так надо. Иногда он умел укрощать себя и подчинялся слепому случаю, который воспринимал как перст судьбы и следовал ему почти суеверно.

Для Варяга это был обычный этап, благодаря которому через решетчатое оконце удалось посмотреть полстраны. Трудно было сказать, где он не был. Все объездил, как заправский турист: от Полярного круга до казахских степей.

В пятнадцать лет Варяг увидел свой первый столыпинский вагон, разбитый, как улей, на множество ячеек, в каждой из которых сидело по шестнадцать человек. Он был семнадцатым. Было душно и нестерпимо воняло. Варяг выбрал себе место около окна и дрался до крови всякий раз, когда кто-нибудь из соседей пытался вытолкнуть юнца ближе к двери. Но то было пятнадцать лет назад. Тогда он был «баклан», сейчас – вор в законе.

Теперь на него одного был выделен столыпинский вагон. Он стал так велик, что ему одному принадлежали все камеры, в которых мог бы разместиться не один десяток эков. Не всякий генерал может похвастаться персональным вагоном и таким вниманием со стороны начальства. На нарах лежали матрасы, подушки, одеяла, а какая-то добрая душа прилепила на стену трогательную картинку с красными тюльпанами.

Варяг лег на матрас и, заложив руки за голову, стал скучать. Вагон толкнуло, видимо, к составу прицепили электровоз, а через минуту поезд плавно потащило вперед.

При прощании один из уркачей, почти по-отечески обняв Варяга, сказал:

– Как ты и хотел, бузу поднимать мы не будем. Тебя повезут в отдельном вагоне. Деньги передадут кому надо. Так что к себе в люкс можешь заказывать все что хочешь: курево, водку, жаренину, а то и бабу приведут. За все уплачено. А там, куда ты едешь, тебе уже готовят встречу. Будешь смотрящим в зоне, а через три месяца тебя заменят. – И, улыбнувшись золотым ртом, добавил: – Ты еще в вагон не сел, а нам уже маляву черкнули, что твое появление такой шухер среди петухов наделало, что они даже в ШИЗО проситься стали, лишь бы только в зоне не быть и эти три месяца переждать, – и уже без улыбки: – После освобождения чем заняться думаешь?

– Пока не думал. Время покажет.

– Я тут с уркачами переговорил, они хотят тебя на колымское золото перекинуть. Отказываться не станешь?

– Как сродняк решит, так и сделаю.

– Может, у тебя есть что-нибудь такое, что хотел бы передать на волю?

– На воле у меня никого не осталось... Хотя постой... – Секунду Варяг колебался. Сходняк никогда не одобрял душевных привязанностей, может, не стоило говорить об этом именно сейчас, но язык уже повернулся помимо его воли: – Любава у меня на воле осталась, нельзя ли с ней ночку в вагоне провести?

Уркач оставался невозмутим.

– Где она живет?

– Рядом. Воркутинская.

– Как зовут?

– Света.

– Адресок черкни. – И, когда Варяг написал адрес, уркач добавил: – Встретишь ты свою любаву. На каждой станции будете стоять почти сутки, на зону приедешь только через десять дней. Если все будет так, как задумано, то на шестые сутки она будет у тебя.

...Варяг закрыл глаза и стал ждать. Его не беспокоили, стерегли тихо, редко кто-нибудь из станционного начальства, таясь, решался взглянуть на знаменитого вора.

Варяг походил на дорогую птицу, запертую в роскошной клетке, к которой приставлена надежная охрана, чтобы пташка не упорхнула ненароком.

– Эй, как тебя там? – окликнул Варяг солдата, исправно несшего службу в вагоне возле «знаменитости». Зеленый совсем, салага, и двадцати нет. Будет на дембеле рассказывать, кого сторожить пришлось. – Знаешь, кто я такой?

Солдат охотно откликнулся с улыбкой:

– Как же не знать? Варяг! Инструктировали.

Этим было сказано все, повторять не нужно.

– Пивка принеси, да свежего. Сухота одолела. Воблу не забудь.

Солдат появился через минуту с бутылками в руках.

– Угостил бы я тебя, да не положено, по уставу нужно жить, охранять ты меня должен. Живи по уставу, завоеешь честь и славу! Так, кажется, у вас говорят?

– Да ты не убежишь, даже если дверь распахнута будет, – улыбнулся солдат.

– Почему же? – искренне удивился Варяг. Он слегка отхлебнул пива, оно было свежим и холодным.

– Потому что ты сам согласился в пермскую зону ехать, а сход воровской тебя поддержал.

– Ишь ты! И это тебе известно. Да, действительно не убегу, здесь ты прав. Ну, за твое здоровье. – Он аппетитно приложился к бутылке, намереваясь выпить ее до последней капли.

...Сход признал Варяга шесть лет назад, после чего он стал самым молодым вором в законе. О своей «коронации» он узнал через посыльного, который принес ксиву прямо в зону. Когда Варяг вошел, в бараке сразу установилась тишина. Было непривычно торжественно.

– У меня для тебя есть новость, – сказал посыльный. – Сходняк короновал тебя, теперь ты законный вор! Что передать сходу?

– Передай, что я горжусь этим, – и уже с улыбкой: – Как если бы родное правительство вдруг неожиданно вручило мне орден.

Шутка была принята, посыльный улыбнулся. Воры в законе не признают государственных наград.

– Так и передам. Теперь ты будешь смотрящий на зоне. Отныне ты здесь судья и высшая власть. Воры сказали, что они очень на тебя рассчитывают.

О том, что на зоне появился свой вор в законе, эки узнали чуть ли не раньше самого Варяга и уже воздали ему генеральские почести: кто-то смастерил корону, кто-то изготовил державу и скипетр, а самый дальний угол барака перегородили панелями и отвели почетное место, напоминающее номерной люкс в третьеразрядной гостинице. Нашлись даже обои – и комнатка стала выглядеть на редкость уютной.

На четвертом пальце правой руки у Варяга была выколота корона, но теперь и она уже не отражала того качества, которое он приобрел. Варяг сделался грандом преступного мира и поднялся на самую верхнюю ступень. В одной из воркутинских зон за хулиганство и дебош отбывал свой срок известный художник, который за пайку делал изумительные наколки. Правдами и неправдами, воспользовавшись деньгами из общака, Варяг добился того, чтобы к ним на зону перевели художника, который тотчас попал под его могучее покровительство. Именно этот доходяга сотворил самую главную наколку в жизни Варяга, которая возвысила его над прочими эками: крест, а над ним – два парящих ангела.

Теперь он – ревнитель воровской чести, и за ним останется право на последнее слово.

В ксиве, написанной красивым ровным почерком, Варяг читал: «Мы тебя избрали единогогласно. Некоторые говорили, что ты еще молод для больших дел, но достаточно было напом-

нить твои заслуги, и все пришли к согласию. Ты не раз собирал для братьев деньги на благое дело, начинал с отрицаловки и, где бы ты ни появлялся, всюду создавал группу неповиновения. Что и говорить, совесть у тебя чиста. А твой возраст как раз тот, когда начинают вершить большие дела. Ты вырос для них, пацан! Однако не забывай о старых заповедях законного вора, придуманных не нами: ты не должен иметь семьи, упаси тебя боже пришить кого-нибудь лично, для этих целей всегда найдется мясник, старайся быть трезвенником. Впрочем, что мы тебе толкуем? Законы наши ты знаешь не хуже нас. Так следуй же им до конца! В общем, как говорили в старину, – держи масть и не уступай власть!»

...Вагон слегка подбрасывало на стыках, но это не мешало Варягу дремать. Он любил поезда, привык к ним, ведь в дорогах прошла добрая половина его жизни. На исходе был шестой день, и если верить уркачам, то на следующей станции его должна была ждать Светка. Варяг заставил себя подняться, посмотрел в зеркало. Зарос – на лице ровным слоем выступала пепельная щетина.

Еще не стар, самое время, чтобы жить.

– Эй, сторож! – окликнул Варяг своего стража. – У тебя лезвие найдется?

Солдат удивился неожиданной просьбе, но вида подавать не собирался и скоро принес лезвие, помазок, мыло.

Варяг долго и тщательно брился, скоблил кожу так, словно хотел навести блеск на месяц вперед, а когда кожа сделалась атласной, внимательно всмотрелся в свое лицо. Ему можно было дать на вид лет двадцать пять, прохладный воздух лагерей сказывался благоприятно, только усталые глаза и выдавали истину.

Варяг выходил из зоны четыре раза, но больше года быть на воле у него не получалось. Первый заход в пятнадцать лет: тюрьма манила юношеской романтикой; притягательны были наколки, блатные песни, заковыристые обороты воровской фени. Второй раз Варяг угодил за грабеж. На зоне он долго и очень серьезно считал, что, если б не случайность, он и дальше бы гулял на свободе. Позже тюрьму Варяг воспринимал философски – хорошо погулял, должна быть и расплата.

Больше двух дней одну и ту же бабу Варяг около себя держать не любил. Вот только перед последней походкой сдал: не думал, что может влюбиться, однако и его угораздило. Натолкнулся на смазливую соску с голубыми глазищами – и пропал! Шесть месяцев свободы он прожигал так, как будто эти денечки были у него на этой земле последними: чудил, смеялся, балагурил, щеголял надписями на плечах: «Дайте в юность обратный билет, я сполна заплатил за дорогу».

Светка была красивая и бедовая, а именно такие ему нравились особенно. Она не тянула из него деньги, как это позволяли себе делать другие, – он сам засыпал ее дорогими подарками. Только один круиз по Средиземному морю вырвал такой кусок из его бюджета, что на эти деньги можно было купить как минимум три приличных автомобиля. Однако Светку не удивить, она только капризно поджимала губки, от чего делалась еще привлекательнее и желаннее. Четыре раза она навещала его на зоне, и Варяг шальным счастливецом ходил после этих встреч.

Поезд остановился. Караулу не нужно было повторять дважды, и солдат мотнул головой:

– Сейчас приведу.

Станция была небольшой. Поезд будет стоять здесь ровно пятнадцать минут, как раз хватит для того, чтобы сгрузить почту и набить до отказа тесные камеры зэками. Но его не потеснят, «сторожа» лучше под завязку забьют другие вагоны, чем рискнут нарушить его одиночество.

А что, если Светка не придет? От одной только мысли ладони вспотели. Он даже не хотел думать о том, что их встреча может не состояться. Пристала эта любовь к нему, как зараза, а сил, чтобы лечить эту болезнь, Варяг не находил. И есть ли такое лекарство!

Варяг слышал легкие шаги в самом конце коридора: уверенно застучали каблучки, и он вдруг представил себе, как жадно и выразительно смотрит ей вслед голодная, как и он сам, солдатня. И дай им сейчас волю, они будут совсем как ээки, которые только и мечтают задрать на бабе коротенькое платьице и продрать ее хором где-нибудь в тупичке вагона.

Светка вошла хозяйкой – она-то уж знала, кому принадлежит этот вагон. Знала, что не услышит в свой адрес ни словечка. Ведь шла она на свидание не к простому вору – она шла, потому что ее звал Варяг.

Варяг смотрел на нее через решетку – тонкие пальцы оплели железные прутья, в глазах боль. И солдат, стараясь не глазеть на Светку (Варяг видел, что это дается ему с трудом), сказал:

– У вас ровно двенадцать часов. Потом будет еще одна остановка, а после поезд покатит до зоны не останавливаясь.

И ушел, словно его и не было. А ключ, поторапливая свидание, торчал в скважине.

Никогда Варяг не ощущал в себе такого желания: он взял ее, даже по-настоящему не обняв. Обхватил жадно, молча срывая с нее одежду, и задохнулся, обжегшись прикосновением к ее горячему телу. Резко, почти грубо, вошел в нее и, когда она застонала, закрыл сразу ставшими сухими губами ей рот. Пожирая глазами ее лицо, брал ее в такт стучащим колесам. Светка лежала, крепко обняв его за плечи и зажмурившись от своего ворованного счастья. Стук колес становился все громче, заслоняя собой все остальные звуки. Светка выгнулась дугой, запрокинув голову и прикусив губу, и Варяг замер, пронзенный острым наслаждением...

Жизнь постепенно возвращалась в онемевшее тело, и, пожалев о том, что этот миг не может продолжаться вечно, Варяг прошептал:

– Я ждал тебя... Как никогда.

Он не без удовольствия наблюдал за тем, как девушка натягивала на себя темную полупрозрачную паутину модных колготок, которые соблазнительно обтягивали плавные изгибы бедер, полноватые красивые колени.

– Я это заметила.

– У тебя еще есть кто-нибудь, кроме меня?

На миг их разделила неловкая пауза, но, расправив колготки на круглых икрах, она улыбнулась:

– У меня никого нет, Владик. Жаль, что ты не захотел ребенка. Сейчас ему было бы четыре годика. Это мог быть мальчик, и он мог быть похожим на тебя.

– Есть вещи, которые я не могу себе позволить. Я – вор в законе! Знаешь ли ты, что это значит? Я не то что семье, себе принадлежать не могу!

– Но ведь это и страшно!

– Моя семья – это воровская семья, лишь ей одной я могу давать клятву на верность.

– Ребеночка я могла бы подарить тебе и так.

– Ты красивая, молодая. Еще найдешь себе кого-нибудь другого...

– Тогда почему ты меня спрашиваешь, есть ли у меня кто-нибудь?

– Просто потому, что ты мне нужна.

– Как только ты выйдешь, мы можем жить нерасписанными.

– Я не должен оставаться долго на свободе, я обязан вернуться обратно.

Как же объяснить ей, что любая привязанность – это лишняя веревка на его руках, и держит она покрепче, чем сторожевые вышки.

– Что ты вообще обо мне знаешь, хорошая, кроме того, что на курортах я, не считая, швырял деньги? Посмотри на мои руки! Видишь, сколько меток! И если бы только руки! Все тело мое в шрамах, как и душа. Посмотри сюда, – показал Варяг запястье. – Вот этот шрам видишь? В драке распорол вену, и от смерти меня отделяло всего лишь пятнадцать минут. А вот этот шрам на боку? Заточкой хотели распороть живот, и опять я был рядом со смертью. Ну где гарантия того, что мне не всадят пулю в затылок, когда я выйду из зоны? Это там мое слово

закон... Я знаю этот мир. Может, тебе это покажется и дико, но тюрьма – мой дом. Я не имею права находиться на свободе больше года. Слишком долго я к этому шел, это не зачеркнуть одним махом. И потом мне могут этого не простить. Ты даже представить себе не можешь, что значит быть ссученным!

Светлана оделась, и коротенькая юбка оголяла красивые колени. За то время, пока они не виделись, Света похорошела: отрастила длинные волосы, в движениях прибавилось женственности, и она уже не напоминала языкастую медсестру, помогавшую хирургу зашивать его рану, когда он впервые увидел ее в операционной городской больницы.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Когда я приду в следующий раз, тебе будет двадцать шесть. Тебе нужна такая жизнь?

– Но у тебя еще срок не кончился, а ты уже говоришь о новом.

– Вот именно. Это моя судьба. Через три месяца я выйду на волю, но проболтаться на свободе имею право не более года: так положено. А потом пойду опять туда, откуда пришел. Ты такой хочешь для себя жизни? Конечно, за этот год я нагуляюсь так, как другой не сможет, даже если будет копить всю жизнь. Но поверь: у этого веселья горькое похмелье.

Поезд набирал скорость. Вагон мотало из стороны в сторону, и Света опять оказалась в объятиях Варяга. Получилось это как бы случайно – поезд виноват, но ей не хватало именно его рук – сильных, уверенных, вот так бы век и просидела, ощущая рядом его тепло.

Варяг отстранился, закурил. Никто не мешал их мимолетному счастью, только иногда в конце вагона раздавался негромкий шаг – это солдат выходил размяться. Варяг делал глубокие затяжки, щеки его глубоко проваливались, а на скулах намечались неровные морщинки.

Он уже ругал себя за слабость – не нужно было встречаться, помахал бы рукой из вагона, и достаточно... Только душу тоской травить. Надо бы сказать ей, что это их последняя встреча. Деликатно сказать, насколько это возможно.

– Хорошо, я подумаю, как нам быть, – удивляясь себе, сказал Варяг совсем другое. – Возможно, меня поставят контролировать колымское золото... Я попробую пробыть на свободе года два, и если осуществится то, что я задумал, тогда не вернусь туда совсем.

Он вдруг вспомнил, как шесть лет назад зона приветствовала нового законного. Вся столовая поднялась при его появлении, стуча посудой, колотя руками по столам. Караул, загодя предупрежденный об акции, смиренно стоял в дверях. Слаще, чем это беспорядочное гromыхание, для Варяга не было звука, это бречание казалось ему величественной симфонией. И когда он сел за стол, все дружно опустились вслед за ним.

Но Варяг помнил и другое. Как тем же вечером, в одном из самых темных закоулков зоны, три тени преградили ему путь. Сверкнула молнией заточка, и едва успевший увернуться Варяг почувствовал на своей щеке ее обжигающее прикосновение. Ни секунды не размышляя, Варяг бросился в бой. Ярость застилала кровью ему глаза, он обрушивал удар за ударом на головы нападавших, слыша только вскрики и хруст костей. Под ударом его головы хрястнула, забулькав кровью, переносица одного из них, и он повалился на землю кулем, еще в воздухе потеряв сознание. Варяг узнал его. Это был вор по кличке Водяной, не пожелавший смириться с тем, что его свергли с престола в угоду молодому, сильному Варягу. «Шестерки» Водяного, увидев, что хозяин лежит, поверженный наземь, в ужасе попятились, но Варяг бросился на них с удесятеренной силой. Схватив одного, который почти уже не сопротивлялся, Варяг с силой ткнул его головой в бетонную стену, и тот беззвучно стек по ней вниз.

Второго Варяг не стал догонять. И так было ясно, кто теперь настоящий хозяин на зоне. Он зашел в умывальню, смыл с лица кровь и как ни в чем не бывало вернулся в барак.

...Варяг улыбнулся своим мыслям. Светка, внимательно следившая за выражением его лица, поняла улыбку по-своему и, счастливо вздохнув, крепче прижалась к его плечу.

ГЛАВА 3

Владислав Геннадьевич пошуровал прутком в камине. Теперь в нем трудно было узнать Варяга. На пальцах даже не осталось следов от наколок, только там, где когда-то была корона, – маленький шрам. Не отпустил так легко венчальный символ – оставил отметину. Владислав Геннадьевич вывел на теле и другие наколки; только крест, возле которого вспорхнули ангелы, оставил как память о воровской карьере.

Пластическая операция изменила и его лицо: нос удлинился, натянулась кожа на скулах, на подбородке появилась ямочка. Теперь он не прежний Варяг – самый молодой и удачливый законник России, который контролировал несколько зон, о котором была наслышана половина прежнего Союза и знаться с которым считалось за великую честь. Чтобы услышать его мнение, вора приходилось идти на немыслимые хитрости, посылать гонцов или ксивы за тысячи километров. И когда обратно возвращалось авторитетное суждение, оно воспринималось как закон, нарушить который можно разве что под страхом смерти.

Он мог и дальше оставаться вора в законе – карьера, о которой мечтает каждый вор, но только единицам рукоплещет судьба. Чтобы быть вора, отмеченным властью, мало сидеть на зоне и в колонии, нужно иметь характер и недюжинный организаторский талант. Воров много, а коронованных воров всегда единицы. И здесь, помимо личных достоинств и беззаветного служения воровским законам, должно быть еще что-то такое, чего ты не знаешь о себе сам, но то, что непременно видят окружающие. И вот это «что-то» и дает полную власть. Если у царя – это скипетр и державное яблоко, предначертанные ему с рождения, то у воров – тончайшее чутье на лагерные заповеди: без крика, методом убеждения отстаивать свою правоту. Да так, чтобы, когда заговорил, все вокруг поумолкло. А может, это все, вместе взятое, и есть сверхпрочный сплав, который будет называться вора в законе.

Весело разлетались в камине искры, рассерженным зверем в дымоходе гудел огонь, без дыма поедая высохшие поленья. Разве он тогда подозревал, что существуют вершины гораздо более высокие, чем те, которых он достиг. Они не на виду, их постоянно скрывает туман, и их могущество скрыто под толстыми снежными шапками.

Это была стратосфера – выше просто некуда. Дальше – чернота. Космос. Вселенная. Именно здесь делят бывший Советский Союз; как рождественский пирог разрезают его на огромные куски, а лопают так, что и крошек на столе не останется. Они кромсают его уверенно, как делали это некогда члены Политбюро, забирают куски по аппетиту, и ровно столько, чтобы не поперхнуться. И совсем не случайно, что этих «небожителей» не может быть много, их – несколько, они избраны судьбой. А над всеми ими стоит только один, он-то и выбирает самый большой и самый лакомый кусок. Этим главным и был Владислав Геннадьевич, который был ранее известен воровскому миру как законный вор Варяг, но только немногие посвященные знали эту тайну.

Варяг переродился, а вместе с тем вступил в новое качество, имя которому – высшая сфера. А это не только мраморный камин, трехэтажный коттедж, не уступающий самым лучшим западным образцам, машины, которые можно менять с такой же легкостью, как в молодости сорить деньгами; это – огромная власть, простирающаяся от моря и до моря. Владислав держал в своих руках сотни нитей, которые связывали его с разными уголками его большого дома. То наматывал ниточку на палец потуже, если кто-то осмеливался ему перечить, то ослаблял, если с его мнением считались. Варяг вошел в стратосферу в тот самый момент, когда вору, забыв о прежней спесивости, устраивались на службу к крупным воротилам, имевшим огромный теневой бизнес и отлаженные связи на Западе. Тогда он и дал себе слово не ломать эту пирамиду, а подчинить ее своей власти. Если он не запачкал свою воровскую биографию работой на правительство, то уж давно не согласится работать на презренных фирмачей.

Это был непростой путь, и растянулся он на добрый десяток лет. Сначала нужно было проникнуть наверх, потом удержаться там, а потом, взяв на вооружение опыт большевиков, устранять неугодных, заменяя их на более покладистых. Так создался костяк, которым он управлял по своему усмотрению. И сейчас Варяг чувствовал, что ему тесны бывшие границы, как когда-то тесен был даже отдельный вагон. Он жаждал простора и потому все чаще обращал внимание на Запад; так когда-то древние азиатские кочевники с вожделем смотрели на богатые дворцы знатных иноземных вельмож. Никогда еще воры в законе не забирались так высоко. Но ведь раньше они даже и думать не могли о том, что когда-нибудь им придется делить сдобный пирог всего Союза.

Варяг любил сидеть у камина: здесь, возле огня, хорошо думалось. Иногда он брал в руки карты и, тщательно перетасовав, развлекался фокусами. Его чуткие пальцы не отвыкли от карт. Он легко разбирал игровые комбинации и, обладая крепкой, почти феноменальной памятью, моментально запоминал рубашку на обратной стороне, отмечая едва заметные различия в рисунке. Ему нужно было сыграть два кона, чтобы уже знать наверняка, какая масть в руках у соперников, и, памятуя о его талантах, на вторую игру игроки распечатывали новую колоду.

Вор в законе в карты должен играть отлично. Это одна из прописных заповедей. И свое мастерство Варяг довел до такой степени, что мог успешно соперничать с самыми искусными шулерами. И еще один закон – коронованный вор должен садиться играть только с равными себе. Но Варяг уже поднялся слишком высоко и давно не видел рядом равного, потому чаще всего играл сам с собой, с упорством каторжника продолжая шлифовать свое мастерство. Не поиграй он месяц, и пальцы тотчас утратят былую надежность. Так спортсменов, чтобы не потерять хорошей формы, совершает изнурительные ежедневные кроссы: для того чтобы всегда чувствовать себя уверенно, нужно не давать себе покоя.

Нелегко был путь к вершинам. Да, его объявили вором в законе, но по-настоящему он мог им стать, только дав клятву на могиле того, чье место должен будет занять. Этим человеком был вор изрядного ума и недюжинной ловкости, к которому неожиданно прилипло ученое словечко – Фотон.

Фотон умер в одной из печорских колоний и втайне от эков был похоронен лагерной администрацией, которая боялась возможных беспорядков. Долго могилу Фотона скрывали, так как знали, что она породит нового законника, а когда наконец правда открылась, у свежего холмика с простым деревянным крестом выставили усиленный караул.

Начальник лагеря был суров и приказал: охранять могилу так, как если бы это был военный объект: «Стрелять во всякого, кто, невзирая на предупреждения, захочет приблизиться к могиле». Он знал, что у воров в законе есть традиция: новый урка должен давать клятву на могиле своего предшественника.

Тогда Варяг только освободился из зоны, и клятву у потемневшего креста должен был давать именно он.

Впервые Варяг возвращался в печорские лагеря не под конвоем, а по собственной воле. На плечах огромный рюкзак, в кармане разрешение на въезд в пограничную зону. Они представились геологическим отрядом, маршрут которого должен был пройти поблизости от могилы Фотона.

Молоденькие солдаты заметили приближение незнакомых людей и, сжав в руках автоматы, стали истошно орать, что пристрелят каждого, кто посмеет приблизиться.

– Не подходить! Откроем огонь на поражение! У нас приказ! Будем стрелять!

Разве мог предположить Фотон, что будет страшен и после смерти и что зароят его не на обычном эковском кладбище и не отправят тело к родным, а свезут за сотню километров.

Они решили не лезть на рожон и, накинув рюкзаки на плечи, пошли своей дорогой. Когда за горизонтом скрылся одиноко торчащий крест, Варяг дал команду остановиться. Это был его час, и он его не упустит. Как на него посмотрит сход, если он уйдет, так и не дав клятвы!

Закурили. Варяг привык видеть эти места через колючую проволоку, а сейчас, куда ни посмотри, – свобода! Она была везде: в заросшей кустами речке, в холмах, она наполняла воздух и уходила дальше, за горизонт. Свобода и вечный покой...

– У тебя все готово? – Он повернулся к мужику лет сорока, строгие настороженные глаза которого смотрели так, будто от всякого ожидали подвоха.

По своему характеру тот и сам бы мог подняться далеко наверх, но он был мясник, а они не очень-то почитались в уголовном мире.

– Да.

– Чтобы никакой суеты. Заберешься вон на тот холм и тремя выстрелами положишь всех. После того как исполнишь, махнешь нам рукой.

– Хорошо.

– А теперь ступай.

Мясник сделал последнюю затяжку, которая, как известно, самая сладкая. Он едва не обжег пальцы об огненный кружок, подобранный к губам, и, сплюнув прилипший к языку табак, стал неторопливо собираться: проверил ствол, аккуратно привернул оптический прицел и, махнув на прощание, стал взбираться наверх.

Варяг был готов к любому исходу.

В километре от могилы их ждала моторная лодка. Они проплывут вниз по реке километров тридцать, а потом машина отвезет их к самому аэропорту, где уже будут дожидаться билеты. Только бы солдатиков не обнаружили раньше чем через пятнадцать минут: тогда они будут неуловимы. Риск есть, но он сведен к минимуму.

Мясник уже взобрался на холм. Варяг видел, как он подобрал себе место за огромным валуном и, удобно приладив приклад к плечу, стал целиться. Два выстрела прозвучали один за другим и только третий, явно запаздывая, несколькими секундами позже.

Мясник махнул рукой: все было кончено.

– Пошли! Живее! Да бросьте вы эти рюкзаки, они нам больше не понадобятся!

Базальт сухо хрустел под ногами. Два солдата лежали рядом, третий – в нескольких шагах. Рты открыты, словно от удивления, ноги раскинуты, словно и после смерти хотели они продолжить свой бег. Они так и не поняли, откуда прозвучали выстрелы, потому и побежали навстречу смерти, и автоматы их были направлены в никуда.

Эти трое напоминали о жертвах, которые язычники приносили когда-то своим кровавым идолам.

– Возьмите автоматы, если что... просто так мы не дадимся.

С Фотоном Варяг встречался несколько раз, и при каждой встрече тот покорял его какой-то житейской мудростью, густо замешенной на своде воровских законов. Он брался распутывать самые сложные воровские конфликты, умел убеждать, и самое странное было то, что потом почти никогда не оставалось обиженных. Фотон был примером для любого вора в законе, ему подражали, но он оставался недостижимым. Разве мог Варяг подумать о том, что он станет его преемником и будет давать клятву на его могиле.

Это была честь.

– Прости, Фотон, – заговорил Варяг, – что поклон от братвы передаю так нескоро. Ты заслуживаешь большего. Почестей и роскошных похорон, водки и сытной закуски. Тебя не похоронили так, как надо; тебя просто бросили и присыпали землей. Спасибо на том, что хоть поставили на твоей могиле крест. Не очень ты почитал бога, но твоя грешная душа сейчас с ним, на небесах! Ты всегда был справедливым в воровских спорах, вряд ли еще скоро найдется такой судья, как ты. Я клянусь, Фотон, продолжить твое дело, хотя бы приблизиться к тебе,

потому что обойти тебя невозможно. Клянусь соблюдать наши воровские законы: не нами они выдуманы, и не нам их забывать. Лучше жизнь свою положу, чем отступлюсь от них. – Варяг помолчал.

Убиенные солдаты тоже как будто внимали воровской клятве. Если нет, тогда отчего они так неподвижно замерли?

Варяг продолжил:

– Ты извини меня, Фотон, больше я сюда не вернусь. Не будет для этого у меня времени. А тебе вот от меня подарок.

Он достал бутылку водки, свернул алюминиевую головку и брызнул горьким содержимым на могилу.

– Пей, Фотон! Крепка водка, а тебе она вдвойне горькой покажется.

То, что осталось, Варяг поставил у самого креста. Бутылка слегка накренилась, но не пролилась. Словно и она охмелела.

– А ты, господь, прости грешного раба своего, не будь к нему слишком строг. Поверь, он не самый худший из людей, как это казалось многим. – И впервые в жизни Варяг перекрестился, а потом, поклонившись, быстро пошел прочь, оставляя за спиной могилу, трупы и собственную прежнюю жизнь.

ГЛАВА 4

Освобождение обрушилось на него, как всегда, внезапно. Он уже не воспринимал его как нечаянный дар, который нужно брать, а потом всю жизнь за него расплачиваться. Теперь это была некая ступень, с которой он должен шагнуть еще выше.

Поначалу он наслаждался свободой, как простой «баклан», вырвавшийся из-под пристального внимания караульных вышек: кутил с бабами, сорил деньгами, которые валились на него невесть откуда, навещал старых друзей, быстро обзаводился новыми. Но очень скоро от всего этого устал и все чаще ловил себя на мысли о том, что начинает если не тосковать, то уж скучать по зоне. Это точно. Скажешь кому-нибудь – еще не поверят. Но все было именно так. Здесь, на воле, он был одним из многих: он терялся в толпе, на него не обращали внимания. Там, на зоне, он был личностью, с мнением которой считались даже самые отпетые, и не находилось смельчака, который пошел бы против его воли. И от этой ностальгии по жесткому лагерному порядку становилось тошно. Варяг понял, что год на свободе – слишком большой срок, и его потянуло туда, откуда он недавно вернулся. Вспоминались одноэтажные бараки, уютная каморочка, оклеенная светлыми обоями, гитара на стене. И вообще: чем та жизнь хуже этой? Свежий воздух, в конце концов! Работа? Так на то мужики есть, пусть они и вкалывают. А ему скорее пальцы обрубят, чем он возьмет молоток в руки. Само начальство к нему на поклон идет, когда план не выполняется. Просит, уговаривает, чтобы поднажал, поблажки сулит. Еще неизвестно, кто в лагерях большее начальство – администрация или вот такие урки, как он.

...В тот день от перепоя стонала голова. Варягу подумалось о том, что сходянок явно не одобрил бы его загул: уж слишком лихо отмечал он свое освобождение. Варяг и сам недолюбливал пьющих. Такие никогда не делали настоящей воровской карьеры. Но сейчас ему было абсолютно все равно. В такие утренние часы он становился злым, и знавшие Варяга старались не перечить ему, понимая, что можно нарваться на жесткий, словно кирпич, кулак вора. Он и сам не знал, где проводит время. Его водили с одной хаты на другую, подкладывали девок, и он удивлялся всякий раз и с трудом вспоминал, как она оказалась рядом с ним.

К Светке он не являлся нарочно. Хотел забыть. Но чем больше он совершал над собой усилий, тем навязчивее становился ее образ. Она вспоминалась ему именно такой, какой он видел ее в вагоне: коротенькое платьице, пушистые и светлые, словно лен, волосы. Он помнил все: и как она села рядом, и как он сорвал с нее одежду и взял как вокзальную шлюху. И еще помнил Варяг: при прощании – ни слезинки. Светка смотрела строго и прямо; видно, в ту ночь она многое для себя решила. И долго ей вслед смотрела солдатня, явно завидуя коронованному вору.

Варяг с трудом открыл глаза, но не увидел ничего, кроме множества пустых бутылок. Опять незнакомая хата. Из мебели – пара стульев и скрипучий стол, да еще на кухне радио орет.

– Очухался? – раздался голос откуда-то сверху.

Варяг повернул голову, и в затылке тупо заныло.

– Кто ты? – уставился он на незнакомца. – И где все остальные?

– Всю шушеру, что около тебя вертелась, я разогнал. Ты – вор в законе, не забывай этого! И если тебе приспичило вмазать, так нужно пить с теми, кто тебе по чину. Это то же самое, как при игре в карты: садишься играть только с равными! Или ты к мужикам хочешь перейти? А может, в обиженники?

Варяг похолодел. Даже голову отпустило. Обиженником называли человека, потерявшего авторитет среди воров. Многие тогда захотят на нем отыграться. Упавшего любому всласть ударить.

– А ты кто такой? – посуровел Варяг. – Откуда взялся, чтобы меня учить? Я сам ученый! Что ты из себя фразера захарчеванного гнешь! Пошел отсюда, и чтобы я тебя не видел больше!

Незнакомец выслушал молча, словно раздумывал, а потом выставил вперед кулак, и Варяг увидел на среднем пальце державную корону. Она могла принадлежать только человеку из сходки. И даже более того – ее самому доверенному лицу. Вот уж кому никогда не играть в обиженку.

– Кто ты? – спросил Варяг, и тупая боль снова запульсировала в черепе.

Незнакомец опустился рядом. Ему на вид было не более сорока: поджарый, с сухим, слегка обветренным лицом, он казался еще моложе, и, только всмотревшись, можно было увидеть, как глубоки были морщины. Он пнул попавшую под носок банку из-под пива, внимательно проследил за тем, как она проделала свой нехитрый путь в угол и, звякнув обиженно о трубу, еще долго сетовала, вращаясь на боку.

– Об Ангеле слышал? – Ни ухмылки, лицо по-прежнему серьезно.

– Ты Ангел? – опешил Варяг.

Вор вору рознь. Если Варяг был коронованным вором, каких можно было насчитать по всему Союзу не более пяти сотен, то Ангел был единственным в своем роде. Законники в последние годы стали неоднородны: это были и нэпмановские воры и авторитеты. А Ангел был вором, которому доверяли все. Он был тем цементирующим составом, который накрепко связывал между собой камешки, разные как по своей форме, так и по составу. В некоторой степени Ангел был идеологом воровского мира, неукоснительным авторитетом для всех. Самые крупные операции шли с его благословения, региональные разборки решал тоже он. И во многом именно он руководил дележкой пирога, которую затеяли между собой коронованные законники. Одного слова Ангела было достаточно, чтобы укоротить зарвавшегося вора и отправить его в обиженники, а оттуда только одна дорога – петля.

Варяг почувствовал неловкость, словно молоденький солдат в присутствии боевого генерала.

– Одному из наших сороковник стукнул. Вот посиделки устроили, выпили малость. – Он явно оправдывался.

Последний раз он лепетал так лет шестнадцать назад, когда отец застукал его в окружении приятелей со стаканом в руке. И Варягу сейчас оставалось лишь ломать голову: отчего эта звезда сошла с небес и устроилась рядом с ним на стареньком топчанчике? А может, кто-то решил развенчать его, прослышав про многочисленные чудачества, которые он вытворял на свободе?

Варяг мгновенно перебрал все свои грехи, но, по его мнению, они были незначительны. А если случалось пить без меры, так это от радости. Если за выпивку в ад посылать, тогда в раю никого не сыщешь. И если Ангел пришел к нему для того, чтобы развенчать и превратить воровскую корону в шутовскую, то Варяг будет бороться до конца. Он потребует созвать сход!

От этой мысли сделалось легче, и в знак того, что он принадлежит только себе и сам волен распоряжаться собственной судьбой, Варяг, не оглядываясь на Ангела, поднял с пола бутылку с остатками вина и осушил ее до капли. Вот так!

Ангел терпеливо дожидался, пока Варяг утолит жажду, и с его губ не сходила едва заметная ухмылка, смысл которой знал только он сам.

– Ты в тюрьме сидел? – вдруг спросил Ангел.

– Только в изоляторах, – честно признался Варяг.

Не каждый сидел в тюрьме. Это было одно из самых страшных наказаний, которым администрация пугала наиболее строптивых. Даже самый закоренелый рецидивист делался послушным мальчишкой, когда ему угрожали замкнутые стены. А побывавшие в тюрьме имели полное право снисходительно поглядывать на любого зэка, справедливо полагая, что прошли на этой земле через чистилище.

– А мне приходилось... Четыре года сидел, – сообщил Ангел и спросил: – Сколько тебе лет?

– Тридцать.

– Мне тридцать девять. Когда мне было двадцать восемь, я попал в одиночку. Тогда мне казалось, что я буду сидеть там вечность. Единственным развлечением было гонять паука из одного угла в другой. Я даже придумал ему имя – Игорек. И очень боялся, что он сдохнет раньше, чем меня выпустят. Потом я ушел, а паук так и остался дальше мотать срок. Живучий оказался. Там, в камере, я нашел себе еще одно занятие – выискивать надписи, которые делали другие зэки, – и находил их на самых немыслимых местах: на решетке, в углах, а кто-то даже умудрился сделать надпись на потолке. Я так и не понял, как это сделали. Потолок высокий, до него не допрыгнуть, даже при всем желании. И мне тогда представлялось, что моя камера заселена всеми этими людьми, я даже пытался с ними разговаривать. А потом вдруг обнаружил, что пугаюсь собственного голоса. Меня выводили на прогулку только одного. Всего лишь на час! Единственное, что я видел, так это рожу своего надзирателя.

Варяг молчал. Да и что тут скажешь: только двум святыням подчиняется вор в законе – кресту и тюрьме...

– К чему я это говорю, Варяг. В тюрьме обострены все чувства, и любое, даже самое малейшее событие, которое ты просто не заметил бы на воле, воспринимается как нечто великое. Не подумай, что я решил прочитать тебе проповедь, ты сам с головой... Только жрать водяру среди десятка жиганов – не лучший способ скоротать время. На воле ты уже шесть месяцев, готов возвращаться обратно?

Как ни храбрился Варяг, но сейчас понял, что ему хотелось бы отгулять и этот шестимесячный отпуск перед новой отсидкой. А еще бы Светку повидать.

– Готов, – как можно спокойнее произнес Варяг.

– Что ж, отлично.

Ворот у Ангела был распахнут, и Варяг увидел у него точно такую же наколку – крест с летящими ангелами. Значит, Ангел представляет интересы нэпмановских воров. Варяг и сам принадлежал к ним, хотя ему и становился порой в тяжесть их аскетический минимализм.

– Только скажу тебе честно: не для того я сюда пришел, чтобы тебя об этом спросить, – продолжал Ангел. – Для этого можно было гонца послать. Мне ж интересно было посмотреть на тебя. На зону ты не пойдешь. Пора тебе отходить от нэпмановских воров и переходить в авторитеты. И не спорь! Выслушай, а потом решай. Мы задумали тут одно дело. Ты молодой, должен работать на будущее. Когда мне будет пятьдесят, это дело принесет богатый урожай. И ты здесь будешь одной из ключевых фигур.

Варяг успел накинуть на себя рубашку. Без множества наколок он мало чем отличался от всякого другого смертного.

– Что я должен сделать?

Варяг уже был готов ко всему.

– Сначала ты умоешься и почистишь зубы. Терпеть не могу запах перегара! А потом я тебе объясню остальное.

Тон, с каким сказаны были эти слова, Варяг не простил бы никому, но перед ним был Ангел, и он покорно поднялся с топчана и пошел полоскать лицо.

Вода освежила. Полегчало. Даже боль в затылке сделалась глуше. Варяг стал с интересом рассматривать свое отображение. Зеркало было маленьким, видно только пол – лица, и Варяг долго вертел головой, прежде чем рассмотрел себя всего: прямой нос, узкий лоб, сухие щеки, выражение глаз настороженное и серьезное одновременно. Если бы не наколки на пальцах, его можно было бы принять за добропорядочного инженера, который каждый день из года в год ходит на свою службу. А по лицу бери выше! Интеллигентное, без единого шрама: такие лица бывают у начальников, в которых без оглядки влюбляются молоденькие секретарши.

Когда Варяг вернулся в комнату, Ангел продолжал без всякого предисловия:

– О том, что ты – Варяг, придется забыть. Мы достанем для тебя чистые документы. Ты должен будешь забыть не только, что ты вор в законе, но и всю прошлую свою жизнь. Отныне считай, что ты родился заново и впереди у тебя новая жизнь. Тебе сделают пластическую операцию, чтобы тебя никто не мог узнать и чтобы тебе самому твое лицо не напоминало о прошлой жизни. И упаси боже попасть тебе на зону под новым именем, тогда ты просто перечеркнешь все наши усилия. Сход тебе этого не простит.

– Сколько человек будут знать мое новое имя? – поинтересовался Варяг.

Он всегда чувствовал, что рожден для великих дел, и сейчас ему казалось, что сама судьба шагает ему навстречу.

– О нем будут знать немногие. А Варяг просто исчезнет. Мы можем распустить слух, что тебя ткнули пером в одной из разборок.

– Меня не устраивает эта легенда!

– Ну тогда просто скажем, что ты исчез. Можно пустить слух, что ты уехал за бугор. На самом деле это все равно. Важно, чтобы ты жил с новым лицом.

Варяг был удивлен. Он ожидал чего угодно, даже вызова на сходняк, но судьба неожиданно изломилась сдобным кренделем и показала маковый бок.

– Но я чист, за мной ничего нет.

– Дело не в этом. Все гораздо сложнее и круче. Ты должен гордиться, что выбор пал именно на тебя.

– Что я должен буду делать?

– Об этом узнаешь позже. А сейчас нужно собираться в Москву.

– Могу я попрощаться с одной кралей?

– Это та, что гостила у тебя в вагоне?

Варяг удивился. И это тоже известно Ангелу!

– Да...

– Сейчас не будет времени, – неожиданно посочувствовал вор. – Внизу ждет машина, билеты на Москву уже заказаны, и через полтора часа мы будем в столице. Ты с ней потом встретишься, но тебя она увидит уже с новым лицом. А теперь собирайся.

– У меня ничего нет.

– Да, ты настоящий вор, если до сих пор не нажил добра, – ласково улыбнулся Ангел. – Тогда пошли.

И, пнув ногой валявшуюся на полу бутылку, Ангел красивым холеным зверем скользнул к двери.

Очутившись в Москве, Варяг понял, что отвык от шума большого города. Это тебе не безмолвная тундра с запахом багульника и с тремя бараками посередине. Звуки, запахи, лица – все было иным.

За время полета Ангел едва обмолвился десятком слов. Варяг тоже не лез с разговорами и, прикрыв глаза, слушал рев двигателей. Когда самолет пошел на посадку, Ангел негромко сказал:

– Нас будут встречать. Ни о чем не спрашивай. Куда везти, они знают сами.

Варяг попытался изобразить на лице равнодушие и согласно кивнул:

– Хорошо, пусть будет так.

Черная «Волга» нахально дожидалась гостей у самого трапа, и, когда Варяг садился в кожаные кресла, он успел заметить удивление на лицах окружающих, которые явно не понимали, за что такая честь самым обычным пассажирам. «Волга», ядовито фыркнув темным дымом, мягко набрала ход и, черной кошкой скользнув в ворота, покатила по шоссе.

Кроме Ангела, в машине сидел еще один человек, представившийся Алеком.

Варяг не знал его. Алек без конца дружески улыбался, угощал дорогими сигаретами и наконец через полчаса пути обмолвился:

– Большой сход пройдет за городом. На такой даче, где никому и в голову не придет нас искать. Эта «крыша» абсолютно надежна.

Варяг согласно кивнул, Ангел безразлично смотрел в окно.

Значит, все-таки сход.

Варяг хотел спросить, сколько будет народу, но вспомнил о предостережении Ангела и промолчал.

Машина выехала на шоссе, уверенно оставляя позади громоздкие автобусы, подвижные легковушки. Шофер был опытный, он умело лавировал между машинами, совсем не сбавляя скорости, и скоро они въехали в город.

– От пригорода эта дача километрах в двадцати. Скоро будем на месте. Нас уже ждут.

Варяг не любил Москву. Не любил за суету, за толпы на улицах; сам город все больше превращался в сплошную толкучку, не торгующую разве что атомными бомбами. Но сейчас ему все доставляло удовольствие: переполненные людьми улицы, обшарпанный асфальт и нетерпеливые гудки машин на перекрестках.

Варяг волновался. Сход – это всегда проба сил, экзамен, и нужно иметь собственное лицо, чтобы не затеряться среди этих генералов.

Конечно, ему и раньше приходилось бывать на сходках, несколько раз он их организовывал сам. Но все это происходило по-мелкому, где-нибудь на одной из зон, когда по воле случая или по договору с администрацией авторитеты сходились вместе. Чаще всего на такой сходняк являлось несколько воров в законе, каждый из которых отвечал за свою территорию, и, когда они собирались вместе, становилось ясно, что влияние свое они распространяют на тысячи и тысячи квадратных километров. Большой сход собирал до нескольких десятков уроков, и на нем решались глобальные, стратегические вопросы.

– Большой сход? – спросил Варяг у Алека.

Тот, глядя на дорогу, улыбнулся загадочно:

– Самый большой.

Варяг кивнул. Дальше спрашивать не имело смысла – все равно Алек ему ничего не ответит. Да и Ангел, сидевший рядом, неодобрительно пошевелился.

Машина выехала на большое шоссе, и вскоре замелькали вдоль дороги березовые рощи, а когда автомобиль свернул на боковую дорогу, они сменились величественными елями.

Шофер сбавил скорость, и «Волга», мягко перекатываясь на кочках, словно лодка на горбатых волнах, съехала на грунтовую дорогу. Видно было, что еще вчера здесь прошел дождь, – земля раскисла, а ямы и колдобины были полны воды. Временами казалось, что через них можно переправиться только вплавь.

Но машина, словно амфибия, уверенно сползала в воду и, наматывая на колеса килограммы грязи, уверенно следовала дальше.

– Ну и дорога! – хмыкнул Алек и повернулся к Варягу. – Еще три дня назад такая жара стояла, – поделился он, – что хоть помирай. А потом как грянул дождь, все вокруг залил... Обычно мы здесь без хлопот проезжали, а сегодня прямо море разливанное...

– Может быть, оно и к лучшему, – неожиданно подал голос молчавший до сих пор Ангел. Алек, мгновенно поняв намек, отозвался:

– Пока все чисто, никто ничего не вынюхивает, думаю, и дальше так будет. Люди, расставленные нами вдоль дороги, просигналили, что все тихо, можно ехать дальше. Еще пару километров проедем и, если никто не пасет, свернем, куда нужно.

Варяг удивился: как он ни смотрел по сторонам, однако не заметил никого, кто подавал бы какие-нибудь знаки их «Волге». Хотя, конечно, знаком ведь может быть и просто какой-нибудь предмет, брошенный у развилки.

Пока он размышлял об этом, Алек, явно подметивший его удивление, не без самодовольства сообщил:

– Мне подали еще один сигнал. Все в порядке, можем ехать дальше.

Вскоре машина подкатила к высокому дощатому, выкрашенному зеленой краской забору, за которым виднелся довольно скромный, средних размеров двухэтажный дом, наполовину скрытый высокими деревьями. Заметив висевшую над воротами камеру, Варяг усмехнулся: какой в ней толк при таком-то хлипком заборе? Но, когда ворота, недружелюбно скрипнув, отворились, он присвистнул: за дощатым забором был другой – пониже, но сделанный из кирпича, и пущенная по его верху колючая проволока была наверняка под высоким напряжением.

Распахнулись вторые, железные, ворота, и «Волга» въехала в большой двор, сплошь заставленный «Мерседесами», «Вольво» и «БМВ» последних марок. «Волга» здесь казалась бедной родственницей на пиршестве богатого кузена, теряясь среди великолепия дорогих автомобилей.

По двору с автоматами на плечах бродила дюжина «быков», которые недоверчиво покосились на вылезавшего из машины Варяга, но, заметив его в обществе Ангела и Алека, сейчас же потеряли к нему всякий интерес.

Сходняк решил обезопасить себя от любых неожиданностей: по углам двора, на небольших вышках Варяг разглядел стволы гранатометов. Алек, заметив его взгляд, пояснил:

– Вообще до этого дойти не должно. При малейшей опасности нам сообщат по рации, и все разъедутся в разные стороны. Здесь с десяток тихих дорог. Нас не смогут застать врасплох, а тем более взять, даже если сюда подтянут целый полк – на дорогах будут работать группы заслона...

Варяг отметил, что Алек упорно не называет ментов своим именем, и улыбнулся его безразличию, узнавая в нем себя.

– Из дома прорыт тоннель, который уходит далеко в лес, – слегка рисуясь, продолжал Алек. – Здесь, конечно, есть еще несколько сюрпризов, но о них лучше не распространяться. Чувствуй себя в безопасности, – заключил он, подходя к дверям дома.

Открыв двери, он радушно развернул ладонь, приглашая войти в дом.

В отличие от своего скромного внешнего вида, изнутри дом поражал воображение великолепием и размахом: все коридоры были покрыты пушистыми коврами, комнаты напоминали увешанные картинами дворцовые галереи, инкрустированная, выполненная на заказ мебель идеально вписывалась в каждый уголок, составляя единый гармоничный ансамбль с коврами, картинами и другими дорогими вещами – часами, статуэтками, китайскими вазами. Драгоценные люстры мягким белым светом заливали богатое убранство комнат; гроздь хрусталя, ломая свет на радужные блики, разбрызгивала его во все стороны. Варяг сразу обратил внимание на чеканку, великолепным широким панно занимавшую трехметровую стену. Чеканка была выполнена в цвете и притягивала к себе взгляд, как это умеет делать только по-настоящему красивая женщина.

На чеканке была изображена парящая среди облаков Мадонна с младенцем. Из-за спины Мадонны осторожно выглядывали лучи креста.

Такая же картинка была наколота и у Варяга. Она была выполнена искусно, как и панно, и похоже, была сделана тем же автором. Та же цепь, что, спадая с руки Мадонны и мягко изгибаясь, проваливалась в облака; тот же хитон, бережно укутывающий плечи Девы. Эта наковка была своего рода символом и обозначала: тюрьма – дом родной. Варяг бросил последний взгляд на алый амфор Богородицы и по длинному коридору поспешил вслед за остальными.

Дом оказался на деле настоящим замком, в котором легко можно потеряться. Судя по всему, он вмещал в себя огромное количество комнат, коридоров, переходов и всякого рода закоулков.

– Чей это домина? – догнав спутников, спросил Варяг, и Ангел, резко обернувшись, строго посмотрел на него.

Алек, настроенный очень благодушно, весело отозвался:

– Если я скажу, чей это дом, ты все равно не поверишь. – На миг притормозив, он спросил: – Может, с дорожки – в баньку, а потом в бассейн?

– Не мешало бы и то и другое, – отозвался Варяг, обожавший баню.

– Тогда сюда.

Спустившись вниз по лестнице вслед за гостеприимным Алеком, Варяг понял, что под землей находится большая часть помещений дома. Хотя, по его мнению, места для бани хватило бы и наверху.

Подземный дом по своему убранству ничем не уступал верхним этажам и в чем-то даже превосходил их: стены комнат были выложены яшмой, пол – мрамором, а винтовая лестница закручивалась штопором, будто вознамерившись продырявить преисподнюю.

Сауна была верхом совершенства: обитый мореным дубом предбанник был расписан на тему «деревенская баня». Чувствовалось, что художник, обладающий недюжинным талантом и фантазией, повеселился на славу. Вот деловито натирающие друг другу спины мужики и бабы, а между ними на банных полках вдруг оказывалась пара скрещенных ног. Рядом – мужик и баба весело полощутся в одной большой кадке, за ними – тощая девка шлепает веником по круглому задку здорового детину, возлежащего на полке.

А вот незадачливая толстуха, которая сослепу присела на полк и не заметила лежащего там мужика. Девушки и отроки, невинно разглядывающие друг друга, бородатый старец, лапающий юную красу, – все персонажи выглядели так естественно, так органично вписывались в общий колорит, что казалось, вот-вот оживут.

Пройдя мимо бассейна с маняще голубой водой, гости подошли к стене, где на крючках висели белые пушистые халаты. Рядом лежали махровые простыни.

– Все стерильное, можете брать, что понравится.

Не дожидаясь остальных, Варяг быстро разделся, на манер древнеримской тоги повязал простыню и вошел в сухой банный пар. В нос ударил ни с чем не сравнимый запах сухого дерева, пропаренных листьев и еще чего-то ароматного, приятно раздражающего гортань.

– Эту травку хозяину привезли откуда-то с Приморья, – не давал скучать Алек. – Уверяли, что помогает от всех болезней сразу. А какой запах! Ладан так не пахнет, как эта травка.

Казалось, Алек задался целью вырвать улыбки у своих неразговорчивых гостей.

Варяг вдруг впервые в своей жизни подумал о том, как много он потерял, неотлучно находясь в зоне, скольких радостей лишил себя. Он сидел в парилке до тех пор, пока сердце не начало стучать гулкими ударами в виски, и, медленно поднявшись, отправился в бассейн. Он нырнул и почувствовал, как ледяная вода обожгла его разгоряченную кожу, и тело его завибрировало каждой своей клеточкой. Плывая под водой, он слышал, как гулко ухнули в бассейн один за другим Алек и Ангел. Варяг вынырнул, с удовольствием фыркнул и снова нырнул. Потом, выйдя из бассейна, с удовольствием растянулся на низенькой мраморной скамейке.

– Хорошо, – сказал он сам себе, но мигом оказавшийся рядом Алек подхватил, разрушая очарование момента:

– Нравится? То-то. Плитка какая, видал? Спецзаказ. Такой во всей столице не сыщешь. На каждой плиточке какая-нибудь картинка нарисована, и ни одна не повторяется.

Он уже начал надоедать Варягу, и тот, лениво приоткрыв один глаз, со скрытым сарказмом спросил:

– А бабы где?

С соседней скамейки хмыкнул Ангел.

– Не то это местечко, чтобы баб приглашать, – не заметив издевки, посерьезнел Алек. – Баб можно организовать и в другом месте.

Снова направляясь в парилку, Варяг заметил стоявшие на полочке телефоны. Один из них был без диска, и Варяг усмехнулся про себя: «Не в Кремль ли ведет этот телефончик?»

Тело благодарно ныло, прося то сухого пару, то освежающей бодрящей радости, и Варяг то томил себя сауной, то погружался в пьянящий холод бассейна. Он чувствовал, как выходит из него зона, как просыпается каждая клетка, начиная дышать в унисон с остальными. И тело, здоровое, крепкое, звенело единым оркестром, имя которому были молодость и здоровье.

...После бани Алек проводил их в комнаты. Варягу досталась комнатка на втором этаже: небольшая и уютная, с видом на просторный двор, где скучала охрана, развлекая себя тем, что расхаживала из одного конца в другой.

Варяг постоял возле окна, наблюдая за тем, как во двор одна за другой въехали еще несколько машин, из которых выходили хорошо одетые мужчины с цветом лица, который дает только хорошее питание и своевременный отдых где-нибудь на Канарах.

Неожиданно дверь отворилась, и Варяг увидел старика, которому на вид можно было дать лет семьдесят пять: усталые глаза, глубокие морщины и темный цвет лица. Было видно, что старик много пожил и много видел. Своими внимательными глазами он разглядывал Варяга так, как будущий тесть присматривается к жениху своей единственной дочери: достоин ли?

За спиной у старика стояли Ангел и Алек.

– Что ж, именно таким я тебя и представлял. Думается мне, что я не ошибся в тебе. Ты тот человек, который нам нужен. – Он протянул сухую теплую руку. – Ты сказал ему, о чем речь? – повернулся старик к Ангелу.

– Как и договаривались, в общих словах. Остальное вы обещали рассказать сами.

Это подчеркнутое уважение к старику удивило Варяга. Неужели этот старый, как корни древнего дерева, человек и есть хозяин? Тогда почему он о нем никогда не слышал и даже не знает, как его зовут? А сам Ангел, беспрекословный авторитет в воровской среде, обращается к нему на «вы».

– Меня зовут Георгий Иванович, – продолжал старик. – Скорее всего обо мне ты никогда не слышал. Мне хочется, чтобы ты никогда и никому обо мне не рассказывал. Зато о тебе нам известно почти все: ты самый молодой вор в законе в России, ты молод, здоров, авторитетен, будем надеяться, что также и умен. Портфель! – Старик протянул руку, и тотчас Алек вытащил большой портфель. Старик осторожно взял его, как бы пробуя на вес. – Здесь пятьсот тысяч долларов. Они тебе даются не за твои красивые глаза. Мы готовимся к большим делам и очень рассчитываем на тебя, ты должен всем нам помочь. Возможно, я не доживу до триумфа, но до него доживет Ангел, доживет Алек, доживут другие.

Варяг не знал, как себя вести, чувствуя себя скованным.

– Что я должен сделать за эти деньги? Если кого-то замочить, так это не по адресу.

Старик стоял, держа в руках портфель с деньгами.

– Знаешь ли ты, сколько воров в законе в бывшем Союзе? – спросил он.

– Около пяти сотен.

– Совершенно верно, – согласился старик. – И только пятнадцать из них стоят на самой высшей ступени. Только эти люди контролируют миллиарды, которые стекаются со всех концов бывшего Союза. Только эти пятнадцать решают, куда делать вложения и с кем иметь дело здесь и за рубежом. Именно они определяют генеральное направление воровской политики. Только они видят перспективы развития всего воровского и неворовского мира. Мы такой же живой организм, как и всякий другой, мы живем, мы развиваемся. И мы бы хотели тебя видеть равным среди нас... Вопреки нашим правилам ты будешь шестнадцатым, а теперь бери деньги.

Варяг взял портфель и почувствовал теплоту от старческой ладони. Старик продолжал тем же неторопливым голосом:

– Не думай, что мы пришли к этому сразу. Были свои трудности. Было много «за» и «против». И все-таки мы решили остановиться на твоей кандидатуре. Главные твои козыри –

это ум и молодость. Если последнее проходит быстро, то ясный ум можно сохранить до глубокой старости, – старик улыбнулся, тем самым давая понять, кого он имел в виду. – Сейчас в этом доме находятся все пятнадцать, и тебе совершенно необязательно пока их видеть. Мы с Ангелом просто выступаем от их имени. Пока ты не станешь шестнадцатым, я не могу назвать тебе их имена. Конечно, некоторых ты знаешь, о некоторых, возможно, слышал, но не будем торопить время. У нас есть одно условие.

– Какое? – напрягся Варяг, готовый вернуть портфель.

– Воровской люд, как никто, реагирует на политическую ситуацию. Иначе нам просто не выжить. Но мы выжили при Ленине, выжили при Сталине, значит, будем жить и дальше. Ты должен изменить свою внешность, – и, заметив сомнение в лице Варяга, добавил жестче: – Это непереносимое наше условие. Прежний вор в законе Варяг должен для всех умереть. Вместо него обязан родиться совершенно новый человек. Ты изменишь лицо, выведешь наколки, ты обязан будешь научиться хорошим манерам и всему тому, что свойственно деловым людям.

– Во имя чего я должен идти на такие жертвы?

– Меняется политика, меняются и воры. Создаются новые структуры: экономические, политические, социальные, – загибал он пальцы. – Так было в Европе. Так было в Америке. И нам важно не остаться в стороне и глубоко проникнуть в политику, бизнес. Нам нужно твердо держаться в фарватере.

– А не проще будет подкупить нужных людей, если есть такие деньги? – кивнул Варяг на портфель.

– Если мы можем подкупить этих людей, то точно так же их могут купить и другие. Они ссученные, – впервые сказал старик воровское словечко. – А мы нуждаемся в своих людях, на которых можно рассчитывать на все сто процентов. Через них мы будем делать политику, внедрять свои деньги в экономику. Конечно, мы будем подкупать политиков, чтобы они представляли в правительстве и Думе наши воровские интересы, но первую скрипку должны будут играть такие, как ты, Варяг. Теперь еще раз обдумай все основательно и скажи: согласен ли ты пойти с нами?

Варяг чувствовал в руке тяжесть портфеля. Пятьсот тысяч долларов!.. Несколько лет безбедной жизни... Но деньги мало интересовали Варяга. Его манила неизвестность, азарт, желание сделать что-то по-настоящему великое. Предложение старика походило на игру по-крупному, и такие головокружительные повороты судьбы Варяг обожал. Накрутить банк, чтобы сорвать его потом удачной картой!..

– Я согласен, что бы вы мне ни предложили. Я – вор в законе, и приговор схода для меня закон. Я согласен даже в том случае, если это не совпадет с моими убеждениями.

– Ты из Казани?

– Да, из Казани.

– Мне приходилось там сидеть, – улыбнулся старик, – так что считай меня своим земляком. Я знаю казанцев, это крепкий замес. И я знал, что ты ответишь только так. Мы не ошиблись в тебе. На следующей неделе назначена пластическая операция. Мы уже обо всем договорились с врачами. О том, что ты жив, будут знать только пятнадцать человек, для всех остальных ты исчезаешь навсегда. Ты не умрешь, ты будешь жить под другим именем, и это только самое начало большого пути. Ты должен поступить в университет, на экономический или юридический.хлопоты о твоём поступлении мы берем на себя. Ты не должен быть замешан ни в каких делах, не должно быть даже привода в милицию. Запомни, ты – другой человек и мыслить должен по-новому. Идет обычная смена поколений, пройдет десяток лет, и такие парни, как ты, будут у руля. Мы проникнем в самые высшие структуры власти. У нас есть все: деньги, сила, авторитет, и единственное, чего нам не хватает, так это легальной власти. Вот ее мы добудем с помощью таких, как ты. Готов ли ты пойти на благое дело?

– Готов, – ответил Варяг взволнованно. Он вдруг понял, что это то самое мгновение, к которому он стремился долгие годы.

– Мы с тобой встретимся еще не раз, и наши разговоры будут длинными и серьезными. Через меня ты будешь получать инструкции. Но частых встреч я тебе не обещаю. Я бы не хотел, чтобы ты засветился. Я меченый, а тебе нельзя пачкаться. Для всех я давно исчез, но вполне уверен, что в комитетах подозревают о моем существовании. Если мы долгое время не будем давать о себе знать, это не значит, что тебя забыли. Мы будем оберегать тебя от неверных шагов, радоваться твоим успехам, спасать от возможных неприятностей. Ты будешь чувствовать нашу опеку, хотя и не будешь нас видеть. Мы дадим тебе телефон, по которому ты сможешь связаться с нами, но ты имеешь право воспользоваться им только в самой критической ситуации. Мы не требуем от тебя многого. Нэпмановские воры запрещают своим жениться, они слишком аскетичны. Так вот, ты можешь даже жениться, – махнул рукой старик. – Ту девушку в вагоне звали, кажется, Света?

Варяг сумел спрятать поглубже удивление и спокойно ответил:

– Света.

– Это свидание организовали тебе мы. У нас большие возможности, когда мы вместе. Ты же должен эти возможности усилить многократно. Только о зазнобе своей тебе придется забыть – никто не должен знать о твоей прежней жизни.

Лицо Варяга закаменело, желваки на скулах задвигались. Старик с интересом смотрел на него. Заметив это, Варяг взял себя в руки. «Это мы еще посмотрим», – подумал он, а вслух спросил:

– Можно вопрос?

– Задавай, – великодушно разрешил старик.

– Не могу же я родиться заново? Как же быть с моей биографией?

Старик улыбался и напоминал доброго деда, наблюдавшего за чудачествами любимого внука.

– Проблем действительно будет много, но мы собираемся обезопасить тебя максимально. Твоя фамилия и имя будут самыми реальными. Но в отличие от большинства наших людей ты родишься за границей, так будет записано в твоём свидетельстве. За границей ты закончишь школу и некоторое время будешь жить там. Проверять это сейчас никто не будет. Нужно делать массу запросов, чтобы удостовериться в том, что так было на самом деле. А если и документы в порядке, других запросов уже не будет. А даже если и будут, комитет получит подлинные фотографии и справки. У нас достаточно связей, чтобы такого рода нестыковки решать без проблем. Это будет стоить дорого, но это выполнимо и не должно тебя беспокоить. Мы поработаем еще над твоей биографией. Скажем, ты длительное время мог болеть и лечиться за границей, а потом у тебя начнется настоящая жизнь. И конечно, ни слова о твоей прежней жизни. Биография у тебя должна быть абсолютно чиста. Детали тебе сообщат. Ты удовлетворен, Варяг?

– Вполне.

– Тогда готовься, парень. А теперь у меня дела, желаю тебе счастливой дороги, – закончил старик воровским пожеланием и вышел в сопровождении Алека, оставляя Варяга наедине с Ангелом.

Даже Ангел в обществе старика напоминал мальчишку, с опущенной головой стоящего перед строгим дедом. И когда старик удалился, Варяг готов был поклясться, что Ангел почувствовал облегчение.

– Кто это?

Ангел немного помолчал, словно соображая, стоит ли отвечать на вопрос, а потом уверенно произнес:

– Это Медведь.

– Медведь?! – едва не поперхнулся Варяг.

Это была легенда воровского мира. И сейчас эта легенда, потревоженная голосами, воскресла из мира прошлого и приобрела плоть. Она не только казалась осязаемой: ходила, разговаривала, делала распоряжения. Она вела себя так, как будто, кроме нее, здесь никого не существовало. Воскреснув из тьмы, она стала еще более величественной.

– Так вот он какой! А я думал, что его давно нет в живых.

Ангел усмехнулся своей знаменитой улыбочкой, которая шла от уголка рта к правому виску.

– Для всех остальных Медведь действительно умер. Он умер семь лет назад и похоронен на Ваганьковском кладбище. На гранитном обелиске ты найдешь его фотографию, дату рождения и дату смерти. Его гроб тоже не пустой, его занял один бродяга. Кого нет в могиле, так это самого Медведя. Думаю, комитеты облегченно вздохнули, когда узнали о его смерти. Представляю, как бы они удивились, когда б узнали, что он сейчас работает так же, как когда-то в нэпмановской молодости. Не знаю почему, но ты очень нравишься Медведю. Он выделил тебя среди многих, а когда узнал, что ты знаешь английский, да еще обладаешь феноменальной памятью и почти такой же дьявольской хитростью, сказал: «Больше никого не ищите. Это человек наш. Мне он нужен». Воры говорят, что ты на слух можешь запомнить несколько сотен цифр и произнести в той последовательности, в какой они были названы.

– Это правда, – Варяг улыбнулся. – Если не веришь, можешь проверить. Мне достаточно взглянуть один раз на обстановку, чтобы описать ее в точности. – И закрыл глаза: – Спрашивай.

Подумав, Ангел произнес:

– Что находится в правом углу?

Варяг ни секунды не задумывался, будто готовился именно к этому вопросу, и стал перечислять:

– В правом углу стоит кресло. На задней ножке – царапина, передних не видно, они скрыты ковром, который наброшен на кресло. Ковер желтого цвета с красными узорами в виде ломаных линий. На сиденье лежит спичечный коробок, он слегка приоткрыт, и оттуда торчит горелая спичка. – Варяг говорил так уверенно, как будто смотрел сейчас в правый угол. Сам же он удобно разместился на диване и бесстрастно перечислял дальше: – Над креслом на стене длинная полка. На ней стоит шкатулка из змеевика, ручка у шкатулки медная. Рядом со шкатулкой французский одеколон...

– Левый угол, – поразился Ангел.

Варяг переключился мгновенно, не оставляя себе на обдумывание ни секунды:

– В левом углу висит картина с полметра на метр, на высоте около метра восьмидесяти. На этой картине – хвойный лес, на переднем плане сломана сосна, рядом проходит тропинка и ведет на опушку. На полу стоит торшер с синим абажуром...

– Хватит, Варяг! Признайся, когда ты успел все это запомнить, – искренне удивлялся Ангел.

– Я и не запоминал, – с улыбкой признался Варяг. – То, что я видел однажды, запоминаю на всю жизнь.

– Как же это у тебя получается?

– Просто нужно слегка напрячь память и вытащить на поверхность то, что увидел. Ты можешь, например, сказать, сколько было ступенек в бассейне?

– Нет, – признался Ангел.

– Ступенек было пять. Четыре ступеньки были оклеены коричневой ребристой резиной, пятая находилась в воде.

– Я давно так не удивлялся, Варяг. Теперь я понимаю, почему о тебе ходят легенды, как об удачливом картежнике. Ты ведь чаще играешь в лобовую, признайся, ты запоминаешь рубашку на картах.

Варяг улыбался все так же лучезарно.

– В картах есть свои секреты, но рубашку я тоже запоминаю.

– Медведь никогда не ошибается в людях, мне кажется, что он не ошибся и на этот раз.

– Расскажи мне подробно об операции.

– Тебе изменят не только лицо, но и произведут микрохирургическую операцию на кончиках пальцев. Тебе пересадят другую кожу. Конечно, прежний рисунок можно было бы вытравить кислотой или ожогом, но это может вызвать подозрения, а так у тебя появятся совершенно другие отпечатки пальцев. Медведь просил меня лично проконтролировать предстоящую операцию, так что послезавтра тебя ждет новое рождение. Связь с законниками будет проходить через меня. Я тебе дам телефон, куда ты можешь звонить в любое время суток. В этот же день мне передадут о твоём звонке, и я найду тебя. По телефону лучше ничего не говорить. Мало ли! Закрой глаза, – вдруг попросил Ангел, Варяг закрыл. – Что стоит на журнальном столике?

– Если на остальное я не обращал внимания, то это я увидел сразу. На столике стоят бутылка русской водки, армянский коньяк пять звездочек и коньяк «Наполеон». И еще два простых граненых стакана.

– Совершенно точно! Открой глаза, и давай выпьем за твое предстоящее рождение, – Ангел стал откупоривать бутылку.

Разлив водку по стаканам, он обернулся к Варягу. В лице Ангела было нечто такое, что Варяг вдруг понял: с сегодняшнего дня он – Варяг – стал шестнадцатым.

ГЛАВА 5

Медведь сел в кресло и закрыл глаза. Острая боль пронзила правый бок, как будто дьявол своей когтистой лапой пытался добраться до самого нутра.

Эта боль была знакома ему. Она стала давать о себе знать два года назад и становилась все сильнее и продолжительнее. В больнице после обследования он поинтересовался у врачей о своем состоянии, но они отвечали общими словами и говорили, что недомогания возможны, и вообще возраст! Медведь понял, что дни его на этом свете сочтены, нужно только успеть сделать то, что задумал. Он с трудом приподнял правую руку, сумел дотянуться до тумбочки, на которой лежали таблетки, взял одну из них и проглотил. Боль не исчезла, но стало значительно легче. Он нажал на кнопку звонка, и дверь мгновенно распахнулась – перед ним возник Алек.

– Что можешь сказать? – спросил старик.

Алек в этой команде был чем-то вроде начальника контрразведки, он имел связь не только с воровским миром, свои люди были и в комитетах, которые щедро подпитывались за счет воровского общака. И если Медведь просил у него какую-нибудь информацию, то знал наверняка – она достоверна.

– Он чистый. Никакого компромата, никаких связей с ментами. Если бы это случилось, то воры бы его вычислили раньше. Умен, честолобив. Я думаю, он как раз тот человек, который нам нужен. Ни перед чем не остановится и далеко пойдет. Воры говорят, что там, где он, – всегда порядок и сытный общак.

Медведь согласно кивнул. Он был согласен с Алеком, но права на ошибку не имел даже он, слишком высока была цена.

– Пусть он погостит у меня несколько дней, прощупай его еще раз, более тщательно. Если что обнаружится, то он отсюда живым не выйдет. Скажи, чтобы прослушивали его телефон, и, если будет хоть намек на связь с милицией, сразу сообщи мне.

– Хорошо. Если пожелаете, можем установить камеры. Мы сделаем так, что он их не заметит.

– Заметит! Никаких камер. Он обладает редкой памятью, он заметит, даже если чуть сдвинуть стул. Будем надеяться, что он чист. Только такой человек нужен нашей организации. Все. А теперь я хочу побыть один.

Алек вышел. Память навязчивым наваждением вернула Георгия Ивановича в далекую молодость. Он был прозван Медведем совсем не за крепкую статью и рост, как раз наоборот: Гоша был росточка среднего, сухошав, и что его отличало от множества воров, так это квалификация – он был медвежатник. И не просто какой-нибудь бесталанный потрошитель сейфов, а медвежатник думающий. Медвежатники вообще были почитаемым народом в воровском мире. Здесь, как нигде, нужна смелость, изобретательный ум. Профессия такая, что без риска не обойтись, а ко всему прочему нужны и умелые руки. Но Георгий Иванович был настолько силен в своем ремесле, что пользовался авторитетом даже среди медвежатников, которые уважительно и прозвали его Медведем. Кличка эта закрепилась и пристала к нему куда больше, чем настоящее имя. Воры-карманники смотрели на него снизу вверх, и не каждому из них он протягивал свою сухую теплую ладонь.

Последний раз он сел незадолго до войны, тогда они взяли сейф на одном из казанских заводов. Эту операцию Медведь считал одной из самых удачных в своей жизни. Сейф швейцарской работы казался неуязвимым – его не брали алмазные сверла, к нему неприменим был автогенный резак, он не боялся взрывчатки, и если и была на него узда, так она находилась в руках Медведя. Он приобрел за границей аналогичный сейф, неделями колдовал над кодовым замком, пробовал множество отмычек, а когда замок наконец сухо щелкнул, торжествующе показал изогнутую проволоку.

– Вот этой штукой я теперь выпотрошу любой швейцарский сейф. Ну что, братва, подставляйте карманы для миллионов!

Следующий этап операции заключался в том, чтобы проникнуть на завод. Этот завод больше напоминал крепость: стены его возвышались на несколько метров, по самому верху был проведен ток высокого напряжения, суровые охранники придирчиво изучали внешность каждого входящего. Но было единственное слабое место – система канализации. Медведь сам удивлялся тому, что администрация и охрана не уделяют ей достаточного внимания. Подземная часть завода напоминала запутанный лабиринт, прорытый трудолюбивыми кротами. Один из тоннелей уходил далеко в город. Конечно, входы были изолированы от внешнего мира громоздкими решетками, на которых болтались увесистые замки. Однако для медвежатника такого уровня, как Гоша, это было мелочью: все равно, как если бы их не было совсем.

Медведь тщательно изучил канализационные сообщения, по секундомеру определил, сколько времени ему потребуется на отмыкание многочисленных замков и дверей, сколько уйдет на переходы по низким тоннелям, и только после этого взялся за дело.

Канализационный тоннель выводил прямо в здание завода. В этот час цеха были пусты, но в помещениях горел свет, где-то на верхних этажах раздавался размеренный шаг кованых сапог – это бодрствовал один из сторожей. Сейф находился на втором этаже за тяжелой чугунной дверью. На отмыкание двери уйдет сорок три секунды, потом нужно будет ее так же неслышно прикрыть. Дальше сейф. Он находился прямо напротив двери у стены, к нему подключена чуткая сигнализация. Ровно в три часа ночи будет устроено замыкание, которое продлится четыре с половиной минуты. За это время Медведь должен будет открыть сейф, вытряхнуть его содержимое в мешок и так же осторожно закрыть его. Мешков, судя по количеству денег, должно быть два, второй достанется компаньону. Уйдут они той же дорогой, которой проникли на завод. У выхода из канализационного люка их будет ожидать грузовая машина.

Все произошло именно так, как и рассчитывал Медведь, но через три дня его задержали. Медведь посчитал неблагоприятным исчезать сразу после ограбления. Нужно вести себя так, как будто ничего не произошло. Он показывался на людях, сделал даже попытку устроиться столяром на мебельную фабрику, но вечером третьего дня в его квартиру под самой крышей нетерпеливо постучали люди в военной форме. Уже по стуку в дверь Медведь понял, что пришли за ним. Так могут стучать только хозяева, а ты невольно начинаешь ощущать себя квартирантом. Нужно было выглядеть непринужденным и ничем не выдать своего беспокойства. Медведь открыл дверь и встретил гостей чуть ли не с улыбкой.

– Медведь? – поинтересовался один из них, тот, что был ростом повыше. Он тоже улыбался так, будто повстречал хорошего знакомого.

– Вы ошиблись. Я не Медведь, меня зовут Георгий Иванович, может, товарищ Медведь живет этажом выше?

– Не придурайся, Медведь. Весь Союз тебя знает, как неуловимого медвежатника, а о твоём имени уж давно никто не помнит.

Форма шла этому паршивцу-оперативнику и наверняка сводила с ума буфетчиц из спецстоловой. Он явно не без гордости носил новые галифе и то и дело ласкал пальцами скрипучую португую. Верзила оттеснил Медведа из проема дверей и по-хозяйски поинтересовался:

– Где прячешь деньги, Медведь?

– Посмотри у меня в пиджаке, может, наскребешь рубль с мелочью себе на ужин.

– А ты остряк, Медведь, только мы шутить не намерены. Куда же ты дел пять миллионов? Может, зарыл где-нибудь в саду под яблоней?

– Какие миллионы?

– Те самые, которые вытащил три дня назад из заводского сейфа.

– Тогда пошуруйте руками в помойном ведре, может, они там лежат, – любезно распахнул Медведь дверь в туалет.

Верзила хмыкнул. Он с удовольствием размазал бы этого наглеца по стенке, однако распоряжений по этому поводу у него не было.

– Пять миллионов вытащил именно ты. – Верзила уверенно расхаживал по комнате, оставив своего напарника у самых дверей, на случай, если Медведь попытается смыться. – Хорошо, если не ты, тогда кто из твоих дружков ограбил заводской сейф?

– Я не слышал ни о каких ограбленных сейфах.

– Такую чистую работу мог проделать только ты. Извини, Медведь, но придется тебя задержать. Пока мы не располагаем никакими доказательствами, но они у нас очень скоро появятся. А теперь руки! Я сказал: выставить руки! Вот так-то оно будет лучше. – И опер не без удовольствия защелкнул наручники на запястьях Медведя.

Месяц его продержали в одиночке, ни разу не вызывая даже на допрос, это был один из приемов психологической обработки, и Медведь был готов ко всяким неожиданностям. Потом его вызвал тот же самый опер и, положив пистолет рядом с собой на заваленный бумагами стол, сразу заявил:

– Медведь, мы знаем, что деньги вытащил ты. Нужно быть дьявольски хитрым, чтобы не оставить даже малейшего следа. Все замки на месте, ни один не сорван, и – ни одной царапины! Мы даже не знаем, как ты зашел и вышел, впрочем, теперь нас это не особенно интересует. Деньги найдены. Твой сообщник, с которым ты поделился миллионами, попался как жалкий фраер, соря этими бумажками в ресторане. Он же нам сообщил, куда ты спрятал свой мешок.

Медведь сидел не шелохнувшись. Слишком много он видел, чтобы сейчас попасться на дешевый выпад мента.

– Так что ты по-прежнему нищий, Медведь. Сообщников выбирать ты так и не научился. Я поднял твое дело и увидел, что ты трижды был предан своими друзьями. А ведь ты всегда много на себя брал и делился с ними поровну. Мне остается только пожалеть тебя, Медведь, но я предлагаю тебе свою дружбу. Мы не предаем своих друзей, наоборот, оказываем им всяческую поддержку. Мы прощаем тебе это ограбление, тем более что деньги уже у нас. Ты будешь с нами?

– Ты забываешь, что я медвежатник, а не продажный фраер. Это явно не по адресу.

– Ты не хочешь пожать протянутую руку?

– Поищи другого Иуду!

– Оказывается, ты силен в богословии?

– Я сам не хочу на вас, ментов, работать, но если бы это и произошло, то каждый вор стал бы пальцами тыкать в мою сторону и плевать вслед. Найдутся охотники, которые воткнут мне перо в бок.

– Медведь, у тебя нет выбора, – спокойно заметил опер. – Люди с такими руками, как у тебя, появляются на свет раз в пятьдесят лет, и остается только недоумевать, почему они не на нашей стороне. Ладно, я не хочу вести с тобой долгие разговоры. Знай, что ты даже получишь офицерское звание, если согласишься быть нашим консультантом по изготовлению сейфов. Возможно, тебе придется выполнять раз в неделю кое-какие небольшие задания по твоей основной специальности. Эти операции будут производиться в строжайшем секрете. К нам поступили сигналы о том, что некоторые военачальники и работники аппарата хранят у себя в сейфах документы, клеветущие на наш строй, а также строят планы по уничтожению руководителей партии и правительства. Это заговор, и дело весьма серьезное. НКВД должен знать все. Во всем этом ты обязан помочь нам разобраться, в том твой гражданский долг. За помощь мы готовы простить тебе некоторые твои прегрешения.

– А что будет, если я все-таки скажу нет? – вяло поинтересовался Медведь.

– Тебя просто не станет, – безразлично ответил опер и, взяв в руки пистолет, так же беспристрастно продолжил: – Или ты выйдешь отсюда офицером НКВД, или тебя вынесут с простреленным черепом. Таковы инструкции. А теперь выбирай.

– Я не могу ответить так сразу, мне нужно хотя бы подумать, – тянул время Медведь.

Опер согласно качнул головой:

– Конечно, ты прав, это решение будет поворотным в твоей судьбе, и его нужно хорошо обдумать. Поэтому я даю тебе целых три минуты. Если ты не сможешь уложиться в них, при всем моем уважении к твоей персоне я вынужден буду тебе продырявить череп. А теперь думай, – опер взглянул на часы. – Прошла минута... Полторы... Тебе осталось думать еще минуту...

Медведь сидел неподвижно. Он нисколько не сомневался в том, что ровно через минуту грянет выстрел. Последнее, что он увидит, будет яркое белое пламя, которое изрыгнет из себя каленый вороной ствол, а потом наступит мрак. Наверняка по коридору его потащат за стоптанные башмаки, а руки безвольно будут раскиданы в разные стороны. Встречные оперы с интересом будут заглядывать в обезображенное выстрелом лицо и спрашивать:

«Это и есть Медведь?»

«Он самый», – будет ответ.

Возможно, воры во всех лагерях поднимут бузу. Не такой уж он незаметный, чтобы пропасть в кабинетах следователей, но его самого уже не будет.

И когда отверстие ствола темным зрачком остановилось у самой переносицы, Медведь проговорил:

– Я согласен.

– Ну вот и договорились. – Опер неторопливо сунул пистолет в блестящую кобуру. Похоже, он нисколько не сомневался в согласии Медведя. – Начнешь работать уже с сегодняшнего дня. Работы будет невпроворот. Тебе оформят документы и переведут на довольствие, а завтра вечером тебе нужно будет, Георгий Иванович, распотрошить сейф одного из генералов. Мы давно хотим проверить его на благонадежность. Сейчас он как раз в отъезде, а через день мы вернем документы на то же место, в таком же порядке. Тебе все понятно?

– Пока да.

– За каждую операцию с тобой будут расплачиваться отдельно. Это будет что-то вроде премиальных. – Опер поднялся со своего места и присел на край стола.

У опера на щеке был небольшой шрам. «Интересно, кто его ковырнул?» – подумал Медведь.

Он пытался изобразить заинтересованность, и со стороны могло показаться, что Медведя вполне устраивает перспектива потрошить сейфы у государственных деятелей. Он знал о том, что ему не удастся уйти во время первого выхода в город, наверняка за ним будут следить. Малейшая попытка улизнуть может оказаться роковой. Сотрудничество с НКВД тоже не может продолжаться слишком долго, рано или поздно наступит тот критический момент, когда они поймут, что он становится опасным свидетелем, и его труп с дыркой в затылке найдет дворник где-нибудь в глухих тупичках окраинных улиц.

– Такая работа по тебе, – продолжал опер. – Обычный сейф, что орех расколоть. А швейцарских сейфов, думаю, больше не будет. Но помни, – опер даже выставил вперед палец, – главная задача – сделать так, чтоб хозяин ничего не заподозрил.

– Хорошо, я сделаю все, что вы хотите, – ответил Медведь, – но где гарантии, что вы меня не пристрелите после первого же взлома.

Верзила улыбнулся, теперь он выглядел на редкость добродушным.

– Ты нам будешь нужен еще долго, Медведь. Думаю, сотрудничество наше будет успешным.

На легковой машине Медведя подвезли к самому дому. Отмычкой, без особого труда, он открыл дверь. В коридоре под ногами тихо поскрипывал паркет. Его долго инструктировали, и Медведь знал, где находится сейф – в спальне, в самом углу, у окна. Открыть сейф оказалось ребячьей забавой. Давно он не чувствовал удовольствия от легкой работы. Вот если

бы так открывались банковские сейфы! В сейфе лежало несколько папок, он аккуратно стал укладывать их в сумку, а когда убрал последнюю, то увидел, что за ними пряталась толстая пачка денег. Медведь едва справился с искушением, чтобы не сунуть ее в карман, но, подумав, бросил в сумку и деньги. Потом так же аккуратно закрыл сейф.

– Папки в сумке. Они лежали в том же порядке, как я их уложил.

– Не смотрел? – подозрительно взглянул опер на Медведя.

– Это не в моих правилах.

– Знаю. Просто предупредил на всякий случай. Поехали, – сказал опер шоферу, и машина, горбатая и черная, гигантской крысой поползла прочь от дома.

Документы опер у себя долго держать не стал, и уже через день Медведь вернул папки на прежнее место, сюда же положил и деньги, перевязанные точно так же бумажным шпагатом. А еще через неделю Медведь прочитал некролог, который скорбно извещал о безвременной кончине выдающегося государственного деятеля. Это был хозяин той самой квартиры, куда он несколько дней назад приходил за документами.

Медведь открывал сейфы и дальше, и всякий раз такие визиты становились предвестием смерти, словно именно он тихими шагами заносил в дом беду. По ночам ему стали сниться кошмары; лица на некрологах смотрели на него строго, словно судьи при чтении приговора, и эти портреты на его глазах превращались в белые черепа. Он уж не мог избавиться от этих видений. Это был рок.

Не было случая, чтобы смерть обходила стороной дом, куда он совершил визит. Хозяин квартиры либо исчезал, либо его находили мертвым в разбитой машине. Медведь понимал, что идет какая-то крупная игра, уже выставлены ставки в десятки человеческих жизней, однако правил этой игры он не понимал. И он был готов к тому, что пройдет совсем немного времени и ангел смерти постучит и в его дверь.

Однажды Медведь решил полюбопытствовать, что же находится в папках, которые он извлекает из сейфа. Только он приоткрыл одну из них, в дверях появился верзила-опер.

Как всегда, он дружелюбно улыбался.

– Интересные документики, не правда ли?

– Я не читал, – захлопнул Медведь папку.

– Все понятно, – качнул головой опер, – ты открыл папку для того, чтобы взять бумажку и сходить с ней в сортир. Быстро в машину!

На мгновение Медведь испугался, но через минуту страх испарился легким облачком. Медведь пытался рассуждать логично: его не убьют сразу даже потому, что он – одна из карт, которая составляет большую колоду, и нужно соизволение туза, чтобы побить его масть. Кроме того, кто-то же должен положить обратно эти папки. На этот раз сейф был сложный – немецкой фирмы, а немцы умеют делать на совесть. Выходит, у него пока есть время, но вот сколько? Два дня? Три? А может быть, ему осталось жить всего лишь несколько часов?

Машина уже набрала скорость, а опер тщательно упаковывал папки. Он никогда не надевал на дело формы, все на нем было простым: свитер и старенькие брюки. Больше всего он сейчас был похож на работника, спешащего после работы в пивную.

А может, они убьют его после того, как он положит папки обратно на место? Все будет смахивать на обычное ограбление. Такой метод в их практике. Если так, то у него в запасе по крайней мере еще целые сутки.

Опер повернулся к Медведю и спокойно сказал:

– Будешь сидеть дома, и до завтрашнего дня никуда не выходи. – Медведь согласно кивнул, уже понимая, что не ошибся в своих предположениях. – Сегодняшний клиент особенно серьезный, и нам очень бы не хотелось, чтобы произошла какая-нибудь промашка.

– Договорились. Не подведу.

Медведь не был бы вором, если бы, кроме своей основной работы, не промышлял бы в каком-нибудь богатом магазине. Он давно наблюдал за универмагом: чутье подсказывало ему, что вся информация пойдет ему впрок.

Однажды он попросил у опера, будто для работы, подробные описания и схемы отечественных и швейцарских сейфов. Просьба вора была удовлетворена немедленно. Похожий сейф находился в универмаге. Он даже прогулялся по залам, соображая, как лучше подбаться к цели. «Через крышу, – решил он. – Главное – сигнализация, потом мешки можно будет спустить на веревках во двор и выбраться самому».

Медведь понимал, насколько это мероприятие рискованно, но более безопасного варианта придумать не мог. Он поднял трубку, набрал номер и сказал:

– Это я. Сегодня в двенадцать. У меня двое.

Медведь не терял связи со своим прежним окружением. Он незаметно подбрасывал к будке сапожника записки, которые немедленно поднимались. В них он обговаривал детали предстоявшего дела.

Этот короткий монолог означал одно: двоих, которые стерегут Медведя у входа, нужно ликвидировать. До двенадцати нужно обесточить сигнализацию. В распоряжении у него будет только два часа, за это время он должен выпотрошить сейф, спуститься с крыши и на машине уехать как можно дальше от города.

Медведь не случайно решил остановить свой выбор именно на универмаге: сейчас там велись ремонтные работы, и здание, опутанное строительными лесами, словно паутиной, было уязвимым.

Самое трудное было – это уйти незамеченным. Медведь решил уходить через окно.

Ровно в десять вечера он встал и подошел к окну.

На противоположной стороне улицы остановилась машина, из темного нутра которой вышли три человека. Вечерние сумерки скрывали их лица, но Медведь знал, кто это: ему были знакомы их походки, привычки, жесты. Не нужно было вглядываться в темноту, чтобы понять, что это те, кого он ожидает. Сейчас они должны пройти по тротуару, потом на перекрестке перейти на другую сторону. Один из них, тот, что пониже ростом и пощуплее, по трубе залезет на второй этаж и проникнет на лестничную площадку. Двое других будут поджидать его внизу: они возьмут на себя сторожей. Все должно произойти быстро: три минуты – предельное время.

В это время на глухих казанских улочках народу не бывает, если что-то и помешает, так это преждевременная стрельба.

Как только трое скрылись за углом, Медведь неторопливо надел пальто, проверил портфель – ключи, отмычки, все на месте, – потом посмотрелся в зеркало. Отметил, что на висках появилось несколько седых волос, подумав, решил присесть на дорогу для удачи и только после этого открыл дверь.

Спускался он неторопливо. На нижнем лестничном пролете увидел свой недавний караул. Двое охранников сидели на полу, подперев спинами стены, и, если бы не безвольность во всем теле, можно было подумать, что они живые.

– Мы их оставим здесь, – вышел из темноты человек, – не тащить же их в машину. К тому же и места нет.

– Все обошлось?

– Убрали так, что и пикнуть не успели.

– Пойдем, у нас в распоряжении два часа. Через два часа должны прийти за мной и сменить этих.

– Уложимся?

– Все будет в порядке, я уже подсчитал.

Из подъезда вышли неторопливо. В жестах ни малейшей суеты, обычный прогулочный шаг. Тотчас подъехала машина, и они влезли вовнутрь.

– Вперед, к универмагу!

...С тех пор Медведь не попадался ни разу. После удачного ограбления универмага он лег на дно. Не уставал менять фамилии, внешность. Кем он только не был за это время! Медведь больше не взламывал сейфы, с этим ремеслом он расстался навсегда, он занялся организацией воровского дела. Шаг за шагом, год за годом собирал в своих руках власть в разных регионах, напоминая великого князя-завоевателя, который присоединяет к себе земли менее могущественных князей. Медведь скоро сосредоточил в своих руках гигантскую империю. Его могущество началось с того, что он просто был арбитром в воровских разборках, понемногу накапливал авторитет, а потом, устав от роли беспристрастного судьи, стал сам по своему усмотрению вершить судьбы. Медведь стал убирать неудобных, заменяя их на более стоворчивых, собирал слухи, порочащие честь воровских авторитетов, и потом давал им ход, привлекал на свою сторону крупных воров, а с некоторыми даже делил власть.

Однажды, пятнадцать лет назад, устав от жизни воровского отшельника, Медведь посмел появиться в свете и сразу заметил к своей персоне пристальное внимание комитета безопасности. Не забыли Медведя, и дело его не было отправлено, как он ожидал, в архив, казалось, оно дожидалось своего хозяина только для того, чтобы через многие годы предъявить ему обвинение. Были наняты лучшие адвокаты. Медведь не жалел денег, сорил ими так, будто это были конфетные фантики. Он чувствовал себя купцом, посетившим церковь в благословенную Пасху. Скоро его дело было прикрыто за давностью лет, по болезни и старости обвиняемого. Но, понимая, что теперь он не сможет сделать и шагу без пристального внимания со стороны заинтересованных лиц, Медведь решил исчезнуть и организовал себе пышные похороны, и не где-нибудь, а на Ваганьковском кладбище. Это ему удалось. Смерть патриарха была инсценирована настолько искусно, что в нее поверили даже воровские авторитеты. Со всех концов огромной воровской империи были присланы гонцы, которые стояли в очередь, чтобы снять перед его прахом шапку и возложить на могилу пышный венок. И только пятнадцать самых посвященных знали о том, что Медведь таится неподалеку и с умилением наблюдает за собственными похоронами.

...Печень отпустила, и Медведь решил это отметить – ничто так его не успокаивало, как рюмочка холодной водки. Медведь встал, открыл бар и плеснул из бутылки на самое доннышко рюмки. Некоторое время он наблюдал за тем, как колышется на дне прозрачная водочка, как отбрасывает на хрустальные грани желтоватые блики, а потом уверенно залил в себя содержимое. Его кровь жаждала именно этого напитка. Только водка могла разогнать ее по жилам и вернуть телу былую энергию.

– Алек! – снова позвал Медведь, и тот сразу появился в дверях.

Алек был предан Медведю до самопожертвования и, если бы потребовалось, днями и ночами лежал бы у порога Медведя сторожевым псом.

Несмотря на свою непродолжительную карьеру в НКВД, Медведь у чекистов многому научился, в том числе и правилу: «Не доверяй никому!» Он не однажды убеждался в верности этого принципа и сейчас, следуя старой привычке, поинтересовался:

– Звонил ли куда-нибудь Варяг?

– Звонил, Георгий Иванович.

– Это интересно. Куда же? – Медведь наполнил вторую рюмку.

– Он звонил в другой город. Там живет прежняя его любовь, с которой он однажды провел ночь в поезде.

– Что же такого он ей говорил?

– Ничего не сказал. Как только услышал ее голос, так сразу положил трубку. Я потом заглядывал к нему, железный парень. На лице ни тени страданий.

– Хорошо. Иди пока к себе, Алек.

Медведь остался доволен. Он не ошибся в парне, Варяг созрел для больших дел. Он никому не проговорится о гостеприимстве, даже если из него будут тянуть жилы. Парень честолюбив, дерзок, смел, молод. Важно только направить все это в нужное русло. Конечно, это пока только дорогой алмаз, над которым придется изрядно поработать, чтобы придать ему правильную огранку. Пройдет совсем немного времени, и свет внутри бриллианта заиграет радужными бликами.

Вот только девушка эта... Ладно, потом. Потом надо будет разобраться...

В молодом Варяге Медведь узнавал себя. Когда-то и он был так же беспечно молод, так же честолюбив, полон планов, многие из которых удалось реализовать. Конечно, если бы у него был сын, то империю, которую он сложил из сотен кубиков, передал бы ему. Этому мощному зданию нужен крепкий хозяин, который не даст ему рассыпаться. В противном случае многие годы созидания пойдут насмарку. Из своего окружения нужно выбрать самого достойного, того, кто сможет справиться с этой ношей. Это дело непростое: нужно быть и дипломатом, и господином. Каждый вор – личность, не считаться с которой невозможно. За каждым стоит большая группа людей, на которую можно опереться в любую минуту. Чтобы подчинить себе эту группу, нужно завоевать доверие и уважение хозяина.

Медведь выпил и эту рюмку, и снова водка согрела его. Хватит. Очень не хотелось бы умирать на старости лет от перепоя. Он спрятал водку в бар, туда же поставил и рюмку.

ГЛАВА 6

Варяг долго не мог успокоиться, услышав голос Светы, мгновенно воскресивший в нем полузабытые воспоминания. Внешне он выглядел прежним – тот же ленивый взгляд усталых серых глаз, то же невозмутимое выражение лица. Единственное, что его выдавало, – это руки, которые никак не могли успокоиться: то возьмут книгу со стола и вдруг швырнут ее в угол; начнут листать журнал и закроют его с отвращением; или, потянувшись к какой-нибудь картине, начинают колупать краску. «Спокойно, спокойно, – внушал себе Варяг. – Возьми себя в руки. Ты вел себя куда более достойно и не в таких ситуациях, а тут от одного звука женского голоса сходишь с ума, как самец во время брачного периода. Если уж на то пошло, то ее можно будет увидеть и после операции. Можно даже жениться на ней. Весь вопрос в том, захочешь ли ты сам этого. Слишком многое вас разделяет. Для тебя будет лучше, Варяг, если ты выбросишь эту блажь из головы и начнешь думать о чем-нибудь другом. Сейчас я сосчитаю до десяти, и ее нужно будет забыть, хотя бы на сегодня. Раз... Два... Три...»

Однако, даже сосчитав до десяти, Варяг не смог забыть Свету. Ее образ был наваждением. Он казался сейчас наказанием за ранее совершенные преступления.

Варяг вспомнил, как увидел ее впервые, в хирургическом отделении городской больницы. Он лежал на столе совершенно обнаженный, с распоротым в драке животом, а она в синем халате и такого же цвета колпаке стояла рядом с хирургом и, подавая инструменты, с любопытством рассматривала его наколки. Он не видел ее лица, и только пронзительные синие, живые и веселые глаза сияли над марлевой маской. Хмыкнув, хирург спросил:

– Ну что, боец, кричать будешь? Или все-таки наркоз?..

– Я – вор, – неожиданно для себя заявил Варяг.

Она звонко расхохоталась:

– Да хоть палач. Боли-то все боятся!

А когда хирург зашивал его, он, морщась от боли, говорил:

– Сестра, а что, если мы с вами как-нибудь встретимся? В ресторан сходим или в театр...

Она смеялась и отвечала:

– Ты выживи сначала, ковбой, а потом уж будем про рестораны разговаривать...

А увидев ее без маски, Варяг был просто сражен ее красотой и вскоре после выписки из больницы появился в отделение с огромным букетом роз. Светлана покраснела от удовольствия и сказала:

– Терпеть не могу ресторанов.

Как в омут, забыв обо всем на свете, бросились они в свой головокружительный роман. За всю свою жизнь Варяг никогда не был так счастлив с женщиной, и, когда ему снова пришлось отправляться на зону, он впервые шел туда с сожалением. Ему страшно не хотелось расставаться со Светкой, кроме того, он боялся, что за то время, что он будет сидеть, она забудет его и найдет кого-нибудь другого. Но этого не произошло: она писала ему длинные ласковые письма, приезжала на свидания, а когда он вышел, от счастья всю ночь прорыдала в подушку, уговаривая его бросить свою профессию.

И сейчас Варяг знал, что Светлана верна ему и любит только его. Они оба считали, что предназначены друг для друга и никто другой не сможет занять место одного из них.

...Варяг долго перебирал пальцами хрустящие листки журналов, теребил обшивку кресел и наконец, утомленный самоистязанием, тревожно уснул.

Всю ночь его мучили кошмары, и лишь под утро приснилась сама Света. Она гладила его по голове, целовала в губы и говорила:

– Ты же сильный, ты сам знаешь, что нужно делать. Поступай, как велит тебе твое сердце, а я от тебя никуда не денусь...

Проснулся Варяг в полдень следующего дня. За все это время никто не осмелился его побеспокоить. Он чувствовал, что оставил во вчерашнем дне свои опасения и теперь с молодой любовницей его поджидала новая жизнь.

Варяг подошел к окну: во дворе все так же разгуливали парни с автоматами, вот только машин стало поменьше, видно, гости Медведя разъехались по своим делам, оставив Варяга отлеживать бока. Телохранители громко смеялись, о чем-то оживленно переговариваясь, и было видно, что жизнь в этом замке протекает для них безмятежным приятным отпуском. На миг Варяг почувствовал к этим здоровякам раздражение, которое скоро было забыто – так быстро забываешь о плохой погоде, если на улице не идет дождь. Без этих парней тоже нельзя, они часть той огромной машины, за рулем которой вот уже десятки лет сидит вор по кличке Медведь.

Варяг снова вспомнил о Светлане, но сейчас это не было так болезненно. Это уже не навязчивая идея, какой она была еще вчера.

Варяг чувствовал в себе перемену. Он жаждал действий. Похожее ощущение испытывают бойцы перед скорым наступлением, вот тогда ожидание становится тягостным, и даже мысль о возможной смерти не так страшит.

Скоро зашел Алек. Он так же добродушно улыбался, как и при первой встрече. И, не зная их отношений, можно было бы подумать, что они дружат по меньшей мере с десяток лет. Его улыбка не могла не обезоружить, но Варяг не сомневался и в том, что с таким же дружелюбием тот мог бы пустить в ход нож, если того потребует случай.

– Я еще раз связался с нашими людьми. Операция тебе назначена досрочно: сегодня на три часа. В это время в здании никого не будет, не считая врача, который будет тебе ее делать, и медсестры.

– Что мне следует делать, к чему готовиться?

– Тебе нужно будет просто лежать, а когда проснешься, твое лицо будет другим.

– Как же мне будут делать операцию, если они меня ни разу не видели? – засомневался Варяг.

– Открою тебе небольшой секрет. Мы готовились к этому раньше, твои фотографии и возможных претендентов уже изучались. Врачам было передано все, что они просили. Потом врач видел тебя сегодня утром, пока ты спал. – И Варяг понял, что чувство неловкости его не обмануло, когда он почувствовал, что кто-то пристально всматривается в его лицо. Такое ощущаешь даже во сне. – Врач сказал, что операция будет простой, но ты себя не узнаешь. Когда мы зашли в твою комнату, то ты все время повторял женское имя. Света, кажется?

От этого бесхитростного лукавства лицо Алека сделалось еще обаятельнее, на него невозможно было сердиться, и Варяг в ответ улыбнулся:

– У меня есть просьба.

– Если ты не попросишь звезду с неба, остальные просьбы выполнимы.

– Моя просьба поскромнее, – продолжал улыбаться Варяг. – Терпеть не могу вида крови. Пусть врач делает так, чтобы, когда я открою глаза, не видел на себе простыню, забрызганную кровью.

– Постараюсь сделать так, как ты хочешь, – улыбнулся Алек.

Когда Варяга увозили, действительно были предприняты самые большие меры предосторожности: стекла в машине были затемнены, сам Варяг закутался по самый нос плотным шарфом, на голове клетчатое кепи. За рулем сидел все тот же безголовый шофер, казалось, что его совершенно не интересовало, что делается вокруг. Он следил только за дорогой и светофорами, а Алек ненавязчиво напоминал:

– Не беспокойся, операция будет проделана на самом высоком уровне. Не буду говорить, кто ее будет делать, эти имена тебе все равно ничего не скажут, но человек этот – виднейший в своей области. Его скальпель уже кромсал лица нескольких коммунистических лидеров из

капстран. Теперь их не узнают не то что бывшие соратники, но даже родная мать. Если предыдущие операции были заказаны по поручению комитетов, то эта будет отличаться тем, что будет выполнена по решению сходки. Врач – наш человек. Его сейчас не интересует ничего, кроме денег. Не так давно он женился на молоденькой балерине, которая сосет из него деньги, как иссохшая почва.

– А если он меня выдаст?

– Не выдаст, – уверенно закачал головой Алек, – тогда он лишится не только своей хорошенькой жены, но и собственной жизни. И вообще, люди из комитетов не очень болтливы, к тому же мы знаем про него еще кое-что такое, что заставит его держать язык за зубами, даже под пытками.

Машина уже преодолела суету и неразбериху центральных улиц и катила по узким городским улочкам, обойденным общим вниманием; только иногда здесь встречались редкие прохожие, которые пропадали в укромных подворотнях и двориках. Если что-то и тревожило покой далекой окраины, так это беспрерывный лай собак, которые чувствовали здесь себя полными хозяевами вдали от основных городских магистралей.

Машина остановилась у серого неприглядного здания, ничем не отличающегося от множества других, щедро разбросанных на многие кварталы во все стороны. Отсюда Варяг должен был уйти новым человеком.

– Ты пойдешь один, – сказал Алек, – ни к чему толпой привлекать к себе внимание. Это один из подпольных медицинских центров, и здесь не только изменяют внешность.

– Здание уж больно неказистое, – кивнул Варяг на обшарпанные стены.

– А ты на стены не смотри, здесь и не должно быть помпезных фасадов с колоннами. Все должно быть скромно, чтобы ничего не бросалось в глаза. – Он посмотрел на часы. – У нас еще есть две минуты. Поднимешь воротник, надвинешь на самое лицо кепку. Мы должны застраховаться от малейших случайностей, на случай, если какому-нибудь дурню захочется тебя сфотографировать. У входа тебя встретит миленькая сестричка. Ничего у нее не спрашивай – она не должна слышать даже твоего голоса. Ей платят за молчание, а это компенсирует любое любопытство. Она отведет тебя туда, куда нужно. А теперь давай! Ни пуха!

– К черту!

Варяг взялся за ручку, мягко отворилась дверь, но Алек слегка придержал ее.

– Самое главное забыл: сунь в карман вот этот платок, да чтобы самый угол торчал, а то не подойдет никто. А теперь иди!

Варяг вышел из машины, чувствуя, что в спину смотрят две пары внимательных глаз. Одним махом он преодолел три ступени и уверенно распахнул дверь. В вестибюле его действительно встретила хорошенькая сестричка с кротким, как у мадонны, личиком. Вместо приветствия она произнесла несколько слов:

– Вас ждут, следуйте за мной.

Внутренняя отделка здания, вопреки ожиданиям, удивила Варяга роскошью, здесь было хорошо и уютно. Чувствовалось, что здесь ценят чистоту и порядок: в коридорах – до блеска натертый паркет, на стенах ни пятнышка. Сестра уверенно цокала маленькими каблучками, увлекая Варяга в глубь здания. Ему доставляло удовольствие смотреть на ее красивые бедра и крепкие икры, и он не смог бы отстать от нее ни на шаг, даже если бы захотел. Наконец она остановилась против высокой двери.

– Постучите три раза, – сказала сестра и направилась дальше по коридору, мгновенно потеряв к нему прежний интерес.

Варяг дождался, пока смолкнет музыка ее каблучков, а потом постучался три раза. Дверь сразу распахнулась, и он увидел высокого худощавого мужчину лет пятидесяти, в белом просторном халате, плечи которого висели едва ли не до самого локтя, рукава закатаны, из них

широкими лопатами торчали ладони. Врач радушно улыбнулся Варягу, приглашая войти. Чего не хватало в этой встрече, так это дружеского объятия.

«Интересно, сколько же денег отвалил Медведь за такой дружеский прием?»

Врач усадил гостя в удобное и мягкое кресло, долго и очень внимательно рассматривал его лицо. Наверно, так скульптор смотрит на комок глины, прежде чем придать ей подобающую форму. Потом подошел к Варягу и притронулся к его лицу мягкими прохладными пальцами, словно уже приступил к тонкому искусству ваяния, и тут же поджал губы – он явно был расстроен тем, что голова Варяга оказалась не такой пластичной, как он рассчитывал.

Варяг ощущал его прикосновение: вот пальцы заскользили по надбровным дугам, потом притронулись к глазным орбитам, пощупали зачем-то уши. Потом врач взял со стола две фотографии, одну из которых протянул Варягу:

– Узнаете, кто это?

С фотографии на Варяга смотрело его собственное изображение. Только вот когда они успели его сфотографировать? Машины, стеклянное здание. Ах да, это аэропорт, где-то здесь поблизости должен быть и Ангел. Ничего не скажешь, здорово снято, так, как будто он специально выставил напоказ свое лицо.

– Трудно не узнать, – улыбнулся Варяг.

– Вот именно. А на этой фотографии кто?

Варяг взял и другую фотографию, больше похожую на фоторобот. На ней был изображен совершенно незнакомый человек. Но что-то в его лице показалось Варягу неуловимо знакомым. Но вот что? После минутного раздумья Варяг вернул фотографию врачу.

– Мне кажется, я где-то видел этого человека, но где – припомнить не могу, хотя я никогда не жаловался на память, – пожал он плечами. – А здесь даже и не знаю что сказать.

Врач улыбнулся.

– Хотите сигарету?

Варяг не отказался. Закурили.

– Хотите, я вас удивлю?

– Попробуйте. Это случается не так часто. Мне кажется, я вообще перестал удивляться в последнее время.

– Что ж, попробую. На второй фотографии – тоже вы, – и, насладившись недоумением на лице собеседника, врач пояснил: – Только здесь вы после операции, которая вам предстоит. Фотография совершенно точная, она просчитывалась на компьютере, так что возьмите ее на память и потихонечку привыкайте к своему новому лицу.

– Спасибо, – Варяг взял фотографию.

Доктор поудобнее уселся в кресле, закинув ногу на ногу, и Варяг увидел красные носки в полоску. Врач не скрывал, что ему была приятна некоторая растерянность его пациента.

Варяг держал в руках обе фотографии, внимательно изучая их. Да, это действительно был он. Это занятие больше напоминало игру, где на одинаковых рисунках нужно было обнаружить ряд различий. Разрез глаз на второй фотографии был несколько шире, лицо выглядело посуше, уши совсем прижаты к черепу, нос аккуратен и прям.

Это был другой человек, и в то же время это был он.

– А представьте себе, если вы надумаете, скажем, отрастить усы или бороду. Вас и родная мать не признает.

– Если говорить об эстетике, где я буду выглядеть поприличнее? – смог улыбнуться Варяг.

– Вы интересный мужчина, – вполне серьезно говорил врач, – но после этой операции женщины сочтут вас особенно привлекательным, и – говорю на языке красавиц, которые готовятся к конкурсу красоты, – у вас улучшится форма носа, другим станет подбородок, будут

подтянуты к самому черепу уши. После того как все заживет, пересадим кожу на кончиках пальцев и выведем наколки.

– Доктор, у меня к вам есть одна просьба.

– Пожалуйста, готов выполнить любую вашу просьбу.

– На груди у меня есть наколка: крест с двумя ангелами. Прошу вас, не выводите ее, она мне очень дорога. Расстаться с этим рисунком для меня все равно, как если бы у меня отобрали орден, который я заслужил бы кровью. Эту наколку не будет видно, даже если расстегнуть верхние пуговицы на рубашке.

Доктор удивленно вскинул брови.

– Хорошо, – внимательно посмотрев на Варяга, медленно произнес он. – Вы готовы к операции?

– Когда будете делать?

Доктор посмотрел на часы:

– Через пятнадцать минут.

– Готов. Только у меня к вам будет еще одна просьба...

– Об этой просьбе я уже знаю. Вы не увидите следов крови. Проходите, пожалуйста, вот в эту дверь. Здесь все уже готово к операции.

...В клинике Варяг пробыл почти две недели, и, когда наконец сняли бинты, Варяг отважился взглянуть в зеркало. Себя он не узнал. С прежним лицом он казался себе значительно привлекательнее, сейчас же на него смотрел молодой незнакомый мужчина с грустным выражением глаз. Где уж тут говорить об эстетике, хмыкнул Варяг, разглядывая свое новое приобретение. Но доктор предупредил его, что должно пройти время, прежде чем он отвыкнет от себя прежнего и привыкнет к своему новому облику.

Очень удивили его пальцы, они казались ему слишком белыми, почти женскими – не было даже темных точек от прежних «перстней». Он не забыл расстегнуть рубаху – на груди наколка законника: крест и летающие ангелы, именно крылья небесных созданий должны унести его в новую жизнь.

Когда отеки и синяки, оставшиеся после операции, спали, в клинике появился Ангел – подтянутый, хорошо одетый, веселый. Пока Варяг переодевался, Ангел переговорил о чем-то с доктором.

Потом, с интересом поглядывая на новое лицо Варяга, повез его в ресторан – отметить новое рождение. По дороге он передал ему небольшую папку.

– Здесь все документы, которые потребуются тебе для новой жизни, – паспорт, свидетельство о рождении, – он улыбнулся своей скупой улыбкой. – Теперь тебя зовут Владислав Геннадьевич. Ты не будешь обижаться, если я буду называть тебя Владиком?

Варяг взял паспорт. Действительно, на отметке «имя и отчество» красивым писарским почерком было выведено: «Владислав Геннадьевич».

– Называй.

– Так вот, Владик, мы выписали тебе даже аттестат об окончании средней школы, полагаем, что очень скоро он тебе может пригодиться. Сможешь все это запомнить?

Варяг хмыкнул. Ему хотелось знать: всерьез это у него спросил Ангел или пошутил.

Ресторан оказался очень уютным; по тому, как встретили Ангела, было видно, что он здесь желанный гость.

– Нам отдельный зал и девочек, – уверенно распоряжался Ангел. – И чтобы накрыто было так, как для себя.

– Все будет по высшему классу, – суетился вокруг них толстый потный человечешка. – Не пожалеете. Что-то давно вас не было?

– Занят был.

Толстяк укатился на своих коротеньких и подвижных, словно шарниры, ножках.

– Что это за чудо? – поморщился Варяг.

– Директор ресторана, – отвечал Ангел. – Это одна из точек, где мы стрижем «капусту».

– И какой процент?

– Немного, двадцать процентов.

Отведенный для них зал был небольшим, но очень уютным. Столы и стулья выполнены под старину с красивой резьбой по краям, ножки изогнуты, будто прогибались под собственным весом, но это только подчеркивало их изящество. Зал назывался зеленым и вполне оправдывал свое название: с потолка лился мягкий изумрудный свет, а скатерть и занавески были одного, бледно-салатного, цвета.

– Ты будешь жить в Москве. Мы купили тебе квартиру. Постарайся эту хату не засвечивать, води баб только по крайней нужде. Связь будешь поддерживать со мной или с Алеком. А теперь давай я плесну тебе винца в рюмку! За удачу!

Скоро подошли девочки. Бедовые и красивые. Одна из них, видно, та, что была предназначена Ангелу, жалась к нему ласковой кошкой, другая села Варягу на колени.

– Я сейчас приду, мне надо выйти, – сказал Варяг, деликатно смахивая девушку с колен.

– Ты куда? – спросил Ангел, не в силах расстаться с девицей.

– Все нормально, я сейчас буду.

– Не задерживайся, а то мы будем скучать.

Варяг вышел в холл. На стене висело несколько телефонов. Вокруг никого. Он набрал номер. Повезло сразу – на том конце провода что-то щелкнуло, и он услышал женский голос. Это была Света.

– Света, это я. – Голос у Варяга внезапно охрип.

– Кто – я? – почти сердито переспросила она.

– Ты меня забыла? – Варяг вдруг испугался, что она его не узнает. – Может, вспомнишь вагон, станцию?..

– Владик!

У Варяга отлегло от сердца:

– Он самый.

– Почему тебя так долго не было? – Он слышал, как она заплакала. – Я так тебя ждала...

Ты ведь давно вышел... Мне показалось, что ты меня бросил...

– Нет, но, в общем, со мной кое-что произошло.

– Что-нибудь серьезное?

Он слушал ее родной голос и чувствовал, как в груди у него согревается сердце.

– Нет, это лучше рассказать при встрече. Когда мы с тобой встретимся, то ничему не удивляйся. – Варяг вдруг испугался мысли, что, возможно, Света – заложница его новой жизни. Тем, с кем он сейчас знает, не составит труда свернуть ей шею, как цыпленку. Она может быть опасной уже потому, что знала его прежнего. Он почувствовал, как мокрая рубашка неприятно прилипла к лопаткам. – К тебе никто не заходил?

– Нет.

– Не было ли неожиданных звонков?

– Не было. Владик, что произошло, ты меня пугаешь.

Может, он и вправду впадает в панику. Зачем им конфликтовать с ним, когда они собираются хлебать из одной миски.

– Ничего не произошло. И все-таки ты сейчас быстро одеваешься и уходишь. Когда тебе возвращаться в эту квартиру, я скажу...

– Но это же моя квартира...

– Я знаю, что это твоя квартира. Она останется за тобой, но пока ты будешь жить в другом месте, я дам тебе денег. А сейчас уходи!

- Но куда мне идти?
- Только не к родителям, тебя там найдут.
- Владик, кто найдет?
- Расскажу все потом. Иди к своей подруге, как ее... Галя, кажется?
- Да, Галя.
- Будь у нее, я появлюсь на этой неделе.

Варяг повесил трубку и вернулся в зал. Девушка, сидя за столом, задумчиво курила, держа сигарету холеными пальцами. Глядя на нее, Варяг подумал, что предпочел бы сейчас деревенскую девку вместо этой лощеной красотки, у которой все – от кончиков наманикюренных ногтей до изящно закрученных локонов – предназначалось клиенту, проще говоря – на продажу. Он молча разглядывал ее до тех пор, пока она, почувствовав его взгляд, не обернулась.

- А мы тебя ждали, – кокетливо улыбнулась она.
- Неужто я так долго отсутствовал? – сумел Варяг изобразить изумление.
- Долго, – нарочито капризным голосом сказала красавица. – Я соскучилась... – И длинные холеные руки обвили его шею.

Он почувствовал прохладу ее тонких пальцев. Ангел уже забыл о существовании Варяга, полностью был занят своей девушкой: беззастенчиво тискал ее крепкое тело, укрывал ее крепким объятием, а потом, отстранив слегка, с интересом смотрел.

От бывшего великолепия на столе не осталось и следа. Недоеденные салаты облиты вином, в тарелках валялся пепел и сдавленные окурки, да и небольшой зал стал напоминать Варягу тесную камеру, где невыносимо зловонило прелой парашей. На воздух хочу! На воздух!

- Владик, почему ты такой грустный? – жеманилась прелестница.

Девушка была красивой и очень молодой. Наверняка она могла бы посоперничать за престижное звание «Мисс». На сцене она выглядела бы загадочной и недостижимой. А сейчас он мог мять ее тело сколько хотел. За все уплачено. Сколько же ей лет? Восемнадцать, от силы двадцать. Кожа на лице неправдоподобно гладкая и чистая, и никакого намека на будущие морщины.

- Если бы я рассказал о всех своих переживаниях, ты бы наверняка приняла бы меня за сумасшедшего, – попробовал отшутиться Варяг.

Варяг видел, что Ангелу давно наскучило застолье и он готов перейти к следующему этапу развлечений.

- Пойдем, оставим их вдвоем, – потянул он девицу за руку.
- Уже у самых дверей его остановил голос Ангела:
- Владик, здесь по соседству комната. За нами приедут завтра.

Варяг кивнул и прикрыл за собой дверь. Несколько раз он ловил на себе настороженные взгляды Ангела. Может, они ему не доверяют, но ведь его жизнь вся на ладони. А может, они просто хотят, чтобы задуманный ими эксперимент проходил в более стерильных условиях? Только этим можно объяснить, почему они запретили ему увидеться со Светой.

Комната была уютной, с зелеными обоями, как и зал. Кроме небольшого стола, здесь еще был и диван с кушеткой. Варягу сейчас хотелось одного: чтобы его не трогали. Он разжал объятия девушки и стал раздеваться.

- Я лягу здесь, – кивнул он в сторону кушетки.
- А разве мы ляжем отдельно? – искренне удивилась девушка. Для нее это было сурпризом, она привыкла отрабатывать деньги честно. – Я тебе не понравилась? – Она вздернула подбородок и сразу стала похожа на девочку-подростка. – Что же во мне не так?

Варяг внимательно посмотрел на нее и неожиданно для себя спросил:

- Ты с родителями живешь?

– С дочкой, – машинально ответила она и спохватилась: – А что, это имеет какое-нибудь значение?

– Да нет, – пожал плечами Варяг, удивленно ее разглядывая. – Сколько же лет твоей дочке?

Девушка сразу помягчала, улыбнулась:

– Четыре годика.

– Четыре? А тебе?

Она торжествующе посмотрела на него:

– Двадцать три.

Варяг хмыкнул:

– Выходит, я ошибся... Я думал, тебе лет восемнадцать, ну от силы двадцать. И, хотя это тоже не возраст, выглядишь ты значительно моложе.

– Спасибо, мне все так говорят.

Варяг бросил рубашку на стул, неторопливо стал стягивать брюки.

– А как тебя зовут-то? – спросил он.

– Ирина. – Она с интересом его разглядывала. – А что это такое у тебя на груди?

Он мысленно чертыхнулся, вспомнив про наколку.

– Да так... в детстве баловались, – сказал он и увидел, как недоверчиво сузились ее глаза:

– Это воровская наколка.

Варяг улыбнулся и посмотрел ей прямо в глаза:

– Разве я похож на вора?

Немного подумав, она отозвалась:

– Не похож.

Смешно, по-собачьи наклонив голову набок, она продолжала его разглядывать. Варяг лег на кушетку. Помолчав, спросил:

– Тебе нравится твоя... работа?

Она снова задиристо посмотрела на него:

– Работа как работа. Не хуже других.

Он вдруг расхохотался. Ирина обиженно спросила:

– Ты чего?

– Какая ты... забияка.

Она фыркнула, потом тоже рассмеялась:

– Я всегда такой была. В школе вечно с синяками ходила... А ты?

– Что – я?

– Ты – забияка?

Он задумался.

– Пожалуй.

Он даже залюбовался теперь девушкой. Она была совсем другая, живая, что ли. Сидела, поджав ноги, на кушетке и хохотала сама над собой, как девчонка.

– Иди сюда, – вдруг позвал Варяг.

Она, продолжая улыбаться, встала с дивана и, смешно прихрамывая на своих длинных ногах, подошла к нему. Снова фыркнула, пояснив:

– Отсидела ногу.

– Какую? – заинтересовался он.

– Левую.

– Ну, давай сюда свою бедную ногу, сейчас мы ее приведем в порядок.

Он осторожно снял с нее чулки с кружевами наверху и прикоснулся пальцами к шелковистой коже ноги.

– Здесь чувствуешь? – напустив на себя строгость врача, спрашивал он. – А здесь?

– Чувствую... – отзывалась она, и голос ее становился все тише. – И здесь чувствую.

Он слышал, как сбивается ее дыхание, его руки двигались все смелее. Одним движением девушка скинула платье, и он увидел, что под ним на ней надеты только черные узкие трусики. Глядя на ее вздрагивающий плоский живот, торчащие вверх тугие груди с затвердевшими горошинами сосков, Варяг почувствовал, как долго сдерживаемое желание заставляет его тело напрягаться. Почти грубо схватив ее за волосы, он притянул девушку к себе и припал губами к ее горячему рту.

ГЛАВА 7

Медведь внимательно слушал Ангела. Первая часть операции прошла именно так, как они задумывали. Медведь сосредоточенно рассматривал фотографию Варяга и не узнавал его. Это был совершенно другой человек.

– У него остались на лице шрамы?

– Честно говоря, я этого не заметил, – отвечал Ангел. – Доктор сказал, что останется один под подбородком, но он практически не будет виден.

– Это хорошо. Особые приметы ему совершенно не нужны. Наколки вывели?

– Все перстни на его пальцах вывели. Не осталось даже точки, но доктор сказал, что с наколкой вора в законе Варяг расставаться не захотел. Он убедил его, что наколки не будут видно даже в том случае, если он расстегнет на рубашке верхние пуговицы. Доктор звонил. Я согласился.

Медведь улыбнулся. Ему определенно этот парень нравился все больше. Если он и посмел ослушаться, то только потому, что не хотел нарушать воровской кодекс, который был для него превыше любой молитвы. Да, им нужен именно такой человек.

– Как обстоят дела с его кражей?

– Она исчезла. Мои люди искали ее у родственников, подруг, но так и не нашли.

– Не забывайте, что одна маленькая оплошность может стоить большого дела.

– Мы помним об этом, поэтому ни на минуту не прекращаем поиски.

– Естественно, об этом не должен догадываться Варяг, иначе мы не сможем убедить его работать дальше. Все должно выглядеть естественным: она должна отравиться грибами, попасть под поезд. Думаю, здесь мне не нужно будет вас инструктировать.

Медведь не любил менять свою обстановку, поэтому годами в его комнате были одни и те же кресла, картины на стенах, казалось, что даже бутылки в баре стояли на своих местах. Однако Ангел знал, что это не так: его коллекция пополнялась постоянно и включала в себя лучшие напитки мира. Но все знали, что из этого огромного количества напитков Медведь предпочитал только «Русскую водку».

– Ее не мог предупредить сам Варяг?

Этот вопрос походил на приговор, и Ангел догадался, что сейчас в своих руках он держит судьбу Варяга. Его жизнь, что тростинка, нажал пальцами, она и обломилась.

– Едва ли! – убежденно отвечал Ангел. – Все это время я находился с ним неотлучно. В больнице его тоже пасли. Думаю, она просто куда-то уехала и скоро должна вернуться. Нужно немного обождать.

– Дождитесь ее обязательно.

– И еще... – Ангел помялся. – Медведь, наш Семен вообразил себя королем московских рынков. Он перестал отдавать в общак деньги.

– Ты не знаешь, Ангел, зачем ему столько денег? Он что, хочет иметь золотой унитаз или оклеить деньгами свой особняк? А ему не кажется, что если он так себя будет вести, то ему не потребуется денег вообще?

Семен не входил в число пятнадцати, но он был виднейшим вором, поэтому межрегиональный сходняк и доверил ему контролировать рынки. Однако здесь возникала опасность, что с его исчезновением часть рынков захочет выйти из повиновения и станет требовать автономии, слишком много в последнее время примешалось кавказских элементов. А они все настойчивее заявляют о себе. И надо отдать им должное: парни они дерзкие, клятву дают на кинжале и хлебе. А такую клятву нарушить невозможно. На обуздание рынков потребуется потом куда больше сил. Все это Медведь просчитал мгновенно. По-своему Семен незаменимый человек: он умел ладить с торговцами, кому улыбнется, а кому и пригрозит. Бывало и так, что строп-

тивца заталкивали в машину, а потом уже не находили. Рынок – он и есть рынок. Кого здесь только не встретишь: конечно, в основном южане, но вот именно они и стояли за Семена горой.

Для прикрытия он держал на одном из рынков сапожную мастерскую, где вместе с ним работали два кавказца, и трудно было поверить, что любезные сапожники, всегда находящие несколько приятных словечек для смазливых девушек, – воры, перед чьим авторитетом склоняются даже самые непокорные.

Медведь продолжал:

– Будем надеяться, что это случайность, но за свою ошибку пусть расплатится. Накинь ему проценты за те месяцы, что он не выплатил. Пугать его особо не нужно, сам все поймет. Просто напони ему зону: когда он там жевал белый хлеб с маслом, кто-то за него здесь работал. Так вот, этот лакомый кусочек он должен отрабатывать. Шутки шутить с ним никто не собирается. Скажи ему, что воры на зоне пайку пустую хлебают, и напони про Гришу Сочинского. Он тоже в общак деньги не отдавал, а теперь его вдова оттуда же, из общака, кормится... С Якутии пришло золото?

– Гонец приходил. Сказал, что извозчики уже в пути и через пару дней будут здесь.

Якутское золото, как всегда, было неучтенным. Перекупщики скупали его у диких старателей, которые шастали в великом множестве по большим рекам и малым ручьям, намывая золото по грамму. Иногда рыжий металл находили и в отвалах, которые оставались после артельских старателей. Эта охота за диким золотом всегда проводилась в большой тайне, глубоко запрятанная от заезжих на промысел рыбаков и охотников, а тем более от местного начальства, которое ревниво охраняло свои необозримые золотые пространства. Достаточно было одной радиогаммы в центр, чтобы на дикий промысел прилетел вертолет с вооруженными солдатами, которые быстро брали под опеку заезжих старателей. Эта работа была связана с двойным риском, ведь подобную неучтенную бригаду каждый норовил взять под контроль, чтобы попользоваться намытым золотом. В таких случаях золото пропадало вместе с людьми, и очень трудно было восстановить порвавшуюся нить. Но если все удавалось так, как планировалось, золото со всей Якутии через множество гонцов доставлялось в одно место, откуда оно неторопливо, как ишак с ярмарки, двигалось в единый общак. А цена каждого грамма, по мере приближения к Москве, повышалась в сотни раз.

Медведь знал, что в этом деле любые затраты окупаются многократно. Важно не скупись – он щедро одаривал песком множество провожатых, которые составляли золотую тропу до столицы.

– Это хорошая новость. Мы станем чуть-чуть богаче... Распорядись, чтобы братве на 17-й ИТК переправили триста кусков... Ну а где сейчас Варяг?

– С ним все в порядке. Привыкает к своей новой внешности и гуляет по Москве.

...Варяг не гулял по Москве. Некоторое время он действительно бродил по городу, всматривался в прохожих, подставляя под их взгляды свое новое лицо. Он с интересом наблюдал за реакцией окружающих, но на него не обращали внимания совсем. Варяг был одним из многих. Он привыкал к своему лицу, как, бывает, привыкает к своему бритому лицу мужчина, долгое время носивший усы и бороду. Любая черточка ему кажется необычной и смешной. Но теперь это лицо будет стареть вместе с ним, дряхлеть, покрываться сеточкой морщин.

Варяг шел вдоль по набережной, с реки веяло прохладой. А хорошо!

Он решил еще побродить, так как хотел угадать: кто из беззаботно прогуливающихся сограждан приставлен к нему, чтобы дышать в затылок. Неважно начинается новая жизнь. А не бросить ли все это к чертям и сказать Ангелу так, как есть:

– Не потяну! Не по мне это! Согласен быть смотрящим города, на зоне, согласен быть просто вором, но чтобы из меня делали щеголеватого ффраера с манерами аристократа?! Не выйдет! Я – вор!

Но тут же он отступал от своего решения, понимал, что никогда не пойдёт против воли схода, а подобно послушному мерину подставит шею под любой тяжести хомут.

С другой стороны, Варягу, конечно, льстило, что выбор пал именно на него, – выходит, сходясь по достоинству оценил его способности. Что говорить, не сразу можно найти такого человека, который способен пересказать слово в слово текст на несколько страниц, едва прочитав его. Его способности были отмечены в колонии, где он заканчивал среднюю школу. Он на спор перемножал четырехзначные числа, и преподаватель математики, крепыш лет тридцати пяти, который смахивал на учителя физкультуры, высказался определенно:

– Не по той дорожке ты пошел, на воле из тебя толк был бы.

Возможно, судьба готовила ему все эти испытания, чтобы сейчас он раскрыл себя в полной мере. Вот он, его час. Настал.

Варягу пришлось побродить еще немного, чтобы окончательно убедиться в том, что за ним не следят. И первое, что он решил сделать, – отыскать Свету. Он поймал такси и поехал через весь город к ее подруге. Варяг был у нее только однажды, но прекрасно помнил трехэтажное здание из красного кирпича. Он помнил, какого цвета была дверь, в подъезде тогда не было стекол, вместо них листы ржавого железа, и сильный ветер безжалостно трепал их во все стороны.

– Останови вот здесь, – сказал Варяг и, расплатившись с шофером, вышел из машины.

Варяг не сразу зашел в подъезд. Раскурил сигарету. Осмотрелся. Вокруг никого.

Подруга Светланы жила на втором этаже, сразу направо. Варяг поднялся и, поколебавшись секунду, нажал на звонок. Долго никто не отзывался, а потом из-за двери раздался встревоженный голос:

– Вам кого?

Это была Света. Она разглядывала его в глазок и не узнавала.

– Откройте, пожалуйста... я от Владислава.

И тут до Варяга дошло, что он изменился не только внешне, другим стал даже голос.

Он почти физически почувствовал то замешательство, которое сейчас происходило за дверью. Прошло тридцать секунд, минута, и дверь нехотя распахнулась.

Перед ним стояла Света. Именно такой он увидел ее тогда в вагоне, такая же роскошная и красивая.

– Вы от Владика? Что он хотел передать?

– Может быть, в комнату пройдем? – улыбнулся Варяг.

Он вдруг почувствовал к себе неприязнь за то, что произошло в ресторане. Таким женщинам не изменяют, влюбившись однажды, берегут всю жизнь.

Варяг заметил в ее лице оттенок легкого замешательства. Может, она догадалась, кто перед ней стоит? Но уже в следующую секунду Светлана приветливо произнесла:

– Проходите, – и, когда Варяг перешагнул порог, она внимательно посмотрела на гостя. – Вы что-то хотели передать от него? Письмо?

Выходит, не шутил Ангел, когда сказал, что теперь его родная мать не узнает.

– Ты меня не узнаешь?

– Простите... нет. Мы с вами не встречались.

– Я же Владик, Светка. Да всмотришься ты в меня получше. Или я так безнадежно сдал за эти месяцы, что сам на себя перестал быть похож?

– Господи! Что же они с тобой сделали! – совсем по-деревенски всплеснула руками Светка и уже в следующее мгновение бросилась к нему на шею. – А я-то, как увидела тебя, сразу подумала, что больно на Владика похож. И на руки твои посмотрела: ладони вроде бы твои... – она вытирала льющиеся потоком слезы о колючие щеки Варяга, – только пальцы белые... Ну пойдём в комнату, чего в коридоре стоять, да и дверь прикрыть надо.

Она была такой соблазнительной, что Варягу до дрожи вдруг захотелось взять ее здесь же, в тесном коридорчике, как когда-то там, в вагоне. И она, словно почувствовав в нем желание, прижалась еще теснее. Чего не хватало, так это слов: «Ну бери меня! Бери! Я вся твоя!»

– Ты ведь меня напугал очень, когда позвонил. Сказал, чтобы я уезжала со своей квартиры, а ведь я даже родителей не предупредила. Они, наверное, с ума сходят, – лепетала Светка наивно. – Ты навсегда, Владислав? Я устала за тобой ездить то в Пермь, то в Воркуту. И все это только из-за нескольких свиданий. Я уже стала забывать, что я москвичка. Ты знаешь, сколько я прожила в Воркуте?

– Знаю, три года.

– Вот видишь. Так что же все-таки произошло?

– Многое, – с трудом освободился Варяг от объятий. – Попробуй не выходить из этой квартиры хотя бы полгода, я не знаю, как все может сложиться дальше, но, возможно, все и обойдется. Я не исключаю того, что стал болезненно мнителен. На, возьми деньги, дашь своей подруге, чтобы не обижалась. Я буду сюда приходить, только так мы сможем видеться, – достал Варяг из кармана толстую пачку купюр. – Только, ради бога, ничего у меня не спрашивай. Наступит тот день, когда я тебе расскажу все сам, но дело серьезное для нас обоих.

– Как долго ты еще будешь здесь оставаться?

Света щадила его, и Варяг понимал это. Она хотела сказать нечто иное: «Когда ты снова вернешься на зону? Ведь ты вор в законе, а у вас свои правила, и если верить твоим словам, то именно там у тебя настоящая работа». Спасибо ей за то, что сумела подобрать нужные слова.

– В лагерь я никогда не вернусь, – сказал он.

Она прикрыла ладонью рот, и слезы еще быстрее побежали по ее щекам.

– Ну вот, – улыбнулся он, прижав ее к себе. – Вас, женщин, не поймешь. В зону ухожу – плачет. Не хожу в зону – тоже плачет.

Отстранившись, он посмотрел в ее заплаканные глаза. Ему и самому не верилось, что это она, Светлана, стоит перед ним – любимая, желанная...

Варяг сжал ладонями ее лицо и поцеловал.

– Скажи, что я могу для тебя сделать? Может, что-нибудь особенное? – спросила она.

– Пойдем в постель. Особенное сделаю тебе я.

Он целовал ее. Сначала груди, потом живот. Он не торопился. Нежный золотистый пушок, различимый только на самом близком расстоянии, казалось, подрагивал от возбуждения. Он пил ее, вкушал ее, обонял и наслаждался. Драгоценная его женщина! Божественный животик с аккуратным, западающим внутрь пупком... Он пульсировал, толкался, стремился заполучить его поцелуй. Она постанывала... Ее тело благодарно отвечало на ласку. Это хорошо! Внизу живота, где жесткие волоски щекотали нос, он ощутил горьковатый запах тополиной почки. Он всегда любил этот аромат ранней весны. Зарывшись в Светланину пахучую кудрявость, он различил множество запахов – ее любимых духов, чуть-чуть запах пота, чуть-чуть запах хоряка и еще чего-то неясного.

– Боже, я умираю... что же это, господи, – стонала она. – Так у меня никогда не было...

Она была права. В конце концов мужчина может забыть о себе, о своем удовольствии, думал Варяг, и сейчас он особенно неистовствовал.

Бились ее ноги, зажатые у него под мышками.

– О-о-о... – звук взмывал к потолку, то затихая, то усиливаясь. Наконец он перешел в один громкий всхлип, и наступила тишина.

Он положил ей голову на живот. Мышцы сначала подрагивали, потом затихли.

ГЛАВА 8

Теперь Варяг понимал, что Медведь ничего не говорит зря, – все было именно так, как он задумал: Варяг изменил свою внешность, поступил в университет. Следующей его задачей было вжиться в новую жизнь и не затеряться в ней.

Неожиданно для себя Варяг почувствовал вкус к учебе, которая давалась ему невероятно легко. Может быть, потому, что он был в свои 30 лет старше остальных студентов, а может быть, потому, что, имея немалые деньги, не был, в отличие от остальных, озабочен необходимостью подрабатывать себе на жизнь. А скорее всего – потому, что ему было достаточно один раз просто прочесть учебник, чтобы не только прочно усвоить прочитанное, но и выучить его практически наизусть.

Когда-то он удивлял своей памятью только воров, коротающих с ним время на нарах, теперь его феноменальные способности вызывали радость у преподавателей и зависть – у однокурсников. А проучившись два года и сдав экстерном все экзамены за третий и четвертый курс, он вообще попал в число лучших студентов.

Варяг вел замкнутый образ жизни и почти ни с кем не общался. Иногда он связывался с Ангелом, который старался теперь называть его Владиком, и, выслушав бывшего вора, удовлетворенно гудел в трубку:

– Молодец, Владик, видим, что дело твое движется. О тебе ходят легенды. Кто бы мог подумать, что ты такой способный. Вот скоро среди нас появится юрист, занимающийся международным правом. Это как раз то, что нам нужно. Кому, как не нам, осваивать западные рынки. Нужны будут деньги, дай знать.

Медведь оградил Варяга от всех дел, опасаясь потерять его. За все это время они встречались только дважды, и патриарх довольно точно пересказывал ему все университетские новости. Оказалось, что он был знаком со многими профессорами, однако причину короткого знакомства с университетской элитой раскрывать не стал. Было ясно, что этот престижный вуз – еще одна ниточка, которую Медведь уверенно держал в своих крепких пальцах. Медведь обладал редким качеством – видеть перспективу, понимая, что средства, вложенные сейчас, обернутся многократной выгодой. Варяг для него был неким банком, акции которого год от года должны только подниматься. Он был в курсе того, что Варяг занимается по индивидуальной программе, по окончании вуза свою дипломную доработанную и дополненную работу должен будет представить в виде кандидатской диссертации; знал и о том, что на него претендуют три университетские кафедры и еще две из других вузов предложили место с перспективой возглавить кафедру. А академик Нестеренко звал к себе продолжать занятия наукой в перспективном направлении.

– Вот бы они попадали со своих профессорских стульев, когда узнали, кто ты есть на самом деле.

– Да, я тоже об этом часто думаю.

– Ладно, пожалеем их профессорские задницы.

– Академик Нестеренко все спрашивает у меня: «Молодой человек, где же вы были раньше? С вашими-то способностями!» И меня всякий раз подмывает сказать правду.

– Лучше не надо. Оставим все так, как есть. Дело выходит даже лучше, чем я предполагал. Мы, конечно, знали, что ты способный, но ты сумел превзойти даже лучшие наши ожидания. Теперь я уже подумываю о том, что тебе, возможно, и не стоит уже так ярко выделяться. В этом случае ты всегда будешь на виду, а это может быть чревато осложнениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.